

РЕМАСТ
КАПШУН

КАЙЛ ИТОРР

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Кайл Иторр
Золотая лихорадка
Серия «Мир «Земли лишних»»
Серия «Зелёный луч», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Новая Земля. Жизнь идет своим чередом – семья, работа, как положено. Причем работа действительно интересная.

Интересом-то и цепляет, отправляя в командировку «неизвестно зачем», мол, «там объяснят». Там, наверное, объяснили бы, но что делать кабинетному сотруднику, который по дороге – такая уж она, фронтирная жизнь, – попадает в плен, а потом в фактическое рабство вне цивилизованных территорий?

То же самое, что он делает всегда: работать головой, чтобы выбраться в условия более приемлемые. А уже потом, если получится, рассчитаться со всеми, кто виноват.

Такие они, кабинетные сотрудники Новой Земли. Автоматом пользоваться умеют, и точно знают, когда и в кого стоит стрелять самим – а кого лучше подвести под выстрел с другой стороны...

Содержание

Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Понедельник, 23/02/22 08:48	7
Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Понедельник, 23/02/22 11:15	15
Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Понедельник, 23/02/22 13:44	23
Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Понедельник, 23/02/22 20:43	41
Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Вторник, 31/02/22 09:28	47
Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Вторник, 31/02/22 21:27	53
Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Среда, 32/02/22 16:19	72
Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Четверг, 33/02/22 08:40	90
Территория Конфедерации Южных Штатов, долина Большой реки, Золотой каньон. Воскресенье, 36/02/22 12:52	99

Территория Латинского Союза, долина Большой реки, Сьерра-Гранде. День и час неизвестны	107
Территория Латинского Союза, долина Большой реки, Сьерра-Гранде. День и час неизвестны	111
Территория Латинского Союза, Сьерра-Гранде, асьенда Рош-Нуар. Пятница, 01/03/22 05:12	124
Территория Латинского Союза, Сьерра-Гранде, асьенда Рош-Нуар. Пятница, 01/03/22 09:07	140
Территория Латинского Союза, Сьерра-Гранде, асьенда Рош-Нуар. Пятница, 01/03/22 около 12:00	150
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Кайл Иторр

Золотая лихорадка

Романы из подцикла «Зеленый луч»:

- Зеленый луч*
- Змеиное логово*
- Золотая лихорадка*
- Зыбучие леса*

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Вытягивайте золото
Из меди и из олова,
Из невода и омута,
Из малого и старого,
Издавна и заново,
Умело и без опыта
Вытягивайте золото...*

(Юлий Ким)

Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Понедельник, 23/02/22 08:48

Локальная диспозиция: выдержанный в скромных серо-бежевых тонах рабочий кабинет начальника; монументальный начальственный стол из массива граба; на столе – раскрытый пластиковый файл-папка с тремя листками распечаток.

За столом прямо напротив входа установлено мощное офисное «директорское» кресло, расписанное веселенькими красно-зелеными цветочками. В кресле развалился директор ГосСтата, Крофт; руки скрещены на брюхе, обтянутом рубашкой натовской камуфляжной расцветки «лес»¹, а буйная борода с обильной проседью плохо скрывает ехидную ухмылку.

Спереди к столу придвинут менее массивный офисный стул с обычной вытерто-серой обивкой. На стуле – я. Руки, только что сложившие обратно в папку вышеупомянутые распечатки, так и тянутся за пистолетом.

Пистолет при мне, здесь все в порядке, верный «баллестр-молина» в поясной кобуре, аргентинский полуклон

¹ Все термины технического характера (оружие, автотранспорт и пр.) см. в Глоссарии.

«правительственной модели» в смысле надежности и семи аргументов сорок пятого калибра ничуть не уступает кольцовскому оригиналу, плюс на нем еще и лазерный прицел установлен, очень даже полезная штучка, пока батарейки живые... Только вот стрелять не в кого, массаракш: мой прямой начальник Крофт, а если не по позывному, то Константин Васильевич Гальцев, директор отдела «ГосСтатистика» и обладатель дюжины иных чинов, нынешнюю ситуацию не организовывал, соответственно прожигать его зеленым лазером целеуказателя и добавлять сантиметром выше тяжелую оболочечную пулю – не за что. По крайней мере от меня он подобного не заслужил.

А подлинный организатор... несколько вне досягаемости, скажем так. Как его ни именуешь, Создателем Вселенной или гомеостатическим мирозданием – сущность подобного класса пуль не проймешь. Порой очень хочется, но – никак, тут требуется как минимум монтитайтоновская «святая антиохийская граната», а такой здесь не производят и из-за ленточки не импортируют...

Для ясности расшифровываю диспозицию.

Нет, массаракш, в командировку я не хочу.

Нет, не заставляют. Мол, решать тебе, но когда просит такой человек, отказывать как-то неудобно.

В данном случае это не фигура речи. Просьба такого человека, каким является сеньор Лоренцо Рамирес – это действи-

тельно серьезно. И суть не в звании комиссара², а в том, что он не последний человек в Тайной службе Испанской республики, или как там официально именуют свои края аборигены левобережья Рио-Бланко. Формально-то на карте Новой Земли прочерчены только внешние границы Евросоюза, мол, «объединенная Европа» и никаких тебе малых наций, как мечтали позитивисты семнадцатого столетия – однако этот факт не мешает жителям соответствующих территорий иметь обособленные властные пирамиды и отдельные вооруженные силы. Причем последние где столичного, а где и во все краевого подчинения; у тех же испанцев, например, армия разделена на три части, имеющие свои зоны ответственности – и это не считая басков, которые при испанцах числятся автономией и имеют собственные войска... Бардак? С позиции сферического генерала в вакууме, быть может, однако самих испанцев все устраивает.

Так вот, комиссар Рамирес не просто представитель Тайной службы, а как раз такой человек, чьего слова достаточно, чтобы решить любой спорный случай на уровне... да пожалуй что вплоть до государственного, массаракш. Конечно, мой отказ или согласие никак не повлияет на официальные отношения между Демидовском и Мадридом, только речь-то у нас об отношениях глубоко неофициальных. «Горизонтальные связи» именно так и развиваются.

² Comisario (исп. «комиссар») – в Испании чин старшего полицейского офицера, примерно эквивалентный армейскому майору или подполковнику.

А тут вдобавок просьба сеньора комиссара поступила через наших собственных армейцев, вернее, через Разведуправление Русской Армии. Ясно, что с ними у сеньора Лоренцо канал связи имелся, а со скромным демидовским отделом ГосСтата – нет. Для кого другого отсутствие налаженного канала связи могло бы стать затруднением, но для комиссара Рамиреса – не верю; раз он выбрал именно такой способ передачи сообщения, значит, хотел, чтобы наши гэрэушники были в курсе вопроса и добавили свое авторитетное мнение, соглашаться мне или нет.

Они и добавили, массаракш, кто б сомневался. У кого больше влияния на политику всей территории под протекторатом Русской Армии, у нашего отдела или у структуры полковника Лошкарева – лучше замять для ясности, но мнение Разведупра высказано недвусмысленно: протекторату в нынешнем раскладе очень, вот просто очень полезно будет иметь комиссара Лоренцо Рамиреса в благодарных должниках. Опять-таки, прогнозируемо.

Непосредственный мой начальник, который Гальцев, насчет перспективы занять в испанских краях столь полезного должника вполне солидарен с лошкаревскими экспертами, и к рабочему столу меня не приковывает. Сам решай, мол, по основному профилю задачи тебе конечно же найдутся, однако если предпочтешь такую вот работу на выезде – ГосСтат дает зеленый свет и гарантирует всяческое содействие.

Вопрос финансовый не обсуждается, нет необходимости. Все сотрудники нашей скромной конторы живут уже, можно сказать, при коммунизме. Служебное жилье? без проблем, только скажи, тебе апартаменты в спальней трехэтажке, кусок двухъярусного дуплекса или персональный домик с мини-участком под гладиолусы, хоть двадцать соток бери, если обихаживать потом не лениво. Обставить жилплощадь? пожалуйста, выбирай фурнитуру-быттехнику, что есть в наличии – сразу установят, чего нету – привезут при первой возможности. Машина в личное пользование? опять же не вопрос, уточни марку и в какой цвет покрасить... В общем, «каждому по потребностям», лишь бы потребности эти не выходили за рамки разумного. Тридцатидвухкомнатный особняк в стиле барокко со штатом вышколенной прислуги, например, за рамки выходит. Нет, не потому что нормальному человеку, хоть бы и семейному, для жизни столько во-век не нужно, а потому что недаром главная заповедь у дона Корлеоне и иных неглупых товарищей – «не светись». Мас-саканш, уж кому-кому, а нам дополнительные толкования этой заповеди ни к чему, ибо ГосСтат самим существованием своим обязан таким вот «засветившим» исключительно своими понтами какие-либо сведения и факты. Когда общедоступные, когда «ДСП», а бывало, что и «перед прочтением сжечь»... Нет, добываем такие сведения обычно не мы, на то есть смежные структуры вроде подчиненных упомянутого выше полковника Лошкарева; а вот всесторонний анализ по-

лученных данных и, с его учетом, разработка «политики партии и правительства» в пределах ПРА, а иногда и за ними – тут уже наша парафия... Скромная и незаметная роль, верно. Однако политика эта приносит протекторату зримые, реальные и без преувеличения весомые плоды. Соответственно и тех, кто такую политику разрабатывает, разумно хранить и оберегать как ценный ресурс. Поэтому «социальный пакет» во всех смыслах данного термина обеспечен подчиненным директора Крофта на триста пятьдесят процентов.

Зачем комиссару Рамиресу потребовался некий Влад Щербань, кабинетный эксперт ГосСтата? Опять-таки, требует некоторого понимания предыстории, благодаря которой мне здесь сочинили рабочий псевдоним «Чернокнижник». Никакой мистики и прочих эзотерических материй, массаж, покорнейше благодарю, но как еще именовать человека, которого сразу по прибытии в испанский город Виго взяли под белы ручки по обвинению в черной магии, да не абы кто, а сотрудники святейшей канцелярии, тут же на месте устроили громкое разбирательство, – и в итоге всю эту испанскую инквизицию то ли вовсе упразднили, то ли загнали под такой плинтус, что больше о ней ни слуху ни духу... Да, с ними случился именно я. «Ваши крокодилы, вы и спасайте», в смысле, сами нарвались по глупости. Внешне – натуральный анекдот, а вот в глубине лично я подозреваю подоплеку более серьезную. Комиссар Рамирес в инквизиционном разбирательстве не участвовал, но на суде присутствовал и

подробности дела знал, включая ту самую «серьезную подоплеку», которая так и не была доведена до сведения широкой публики...

В общем, среди нужных людей в Испанской республике репутация у меня еще та. С тех пор прошло более полугода, но такое – не забывается, даже с поправкой на полуторную продолжительность новоземельного года в сравнении со старосветским.

Вот моя репутация сеньору Лоренцо явно и нужна.

Зачем нужна – спрашивать следует его самого и на месте, подробности комиссар не счел нужным доверять радиотелеграфу, что в общем вполне понятно. Просчитать не получится, и это столь же понятно – если могу просчитать я, может и кто-то другой, а далее смотри заповедь «не светись». Вышеупомянутая репутация? так ведь в том деле в Виго я не светился, а был самым классическим манером «засвечен», блистал исключительно за счет отраженного света, аки месяц на ночном небосводе...

Нужен ли сей вояж в Испанию лично мне?

Нет.

Принесет ли он мне какие-нибудь преференции, в том или ином плане?

Сильно сомневаюсь.

Другой вопрос, что преференции мне как-то особо и ни к чему, все, чего может желать разумный человек, у меня уже есть, а чего нет, за деньги так и так не купишь.

Заманивая меня на работу в свой отдел, Крофт в качестве иллюстрации «что мы тут делаем» активно поминал известного литературного персонажа Майкрофта Холмса, который волею своего создателя порою в одиночку подменял собой все британское правительство. Реклама, да, однако по сути Гальцев не очень-то и преувеличивал: каждый из нас, экспертов ГосСтата, решениями своими иногда «рулит» всем ПРА. Может, лично некоему Владу Щербаню ничего такого больше от жизни и не нужно, а вот Черно книжнику, сотруднику ГосСтата и «государственному деятелю» – не по корочкам, но по сути, массаракш – нужно все, что полезно Протекторату Русской Армии, как на текущий момент, так и в среднесрочной перспективе. В долгосрочной тоже, но планировать на поколения вперед не умею...

В таком раскладе ответ, ехать мне в испанскую командировку или нет, очевиден.

Что ж, займемся подробностями.

Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Понедельник, 23/02/22 11:15

Статус наш Демидовск и ихний Мадрид имеют примерно равновеликий, а вот обстоятельства различные. Мадрид классический оплот административной власти и, насколько мне известно, ничего особо сверх того – но однозначная столица своего государства, то бишь Испанской республики. Демидовск же, основанный ныне покойным Михаилом Демидовым – боссом русской мафии, так его числили во всех окрестных газетах и официальных досье, против какового именованья старик Демид не возражал; очевидно, исходил из принципа «хоть горшком назови, только работать не мешай»; мешали, причем вовсю, но это уже другая история... – в общем, Демидовск в протекторате выступает центром промышленным и деловым, однако не единственным. «Столичный статус» у нас имеют два города.

Различные обстоятельства и собственно у государственных образований. Испания входит в Европейский Союз, однако вхождение это сугубо формальное, границы территорий в Новой Земле в любом случае величина условная. Просто во время оно первopоселенцами на левом берегу Белой реки стали именно выходцы из испанских краев, вот и сор-

ганизовались в такое государство. С нашим Протекторатом Русской Армии дело посложнее: были края, исходно занятые «русскими», вернее, разнонациональными уроженцами еще Советского Союза, ибо заселение Новой Земли началось лет за пятнадцать до его распада – а что продолжилось уже после, так большая часть переселенцев все-таки родились в советские времена. Сейчас – да, у иных молодых мигрантов «СССР» это что-то из условно-отдаленного прошлого родительско-дедовских дней... ну да речь сейчас о другом. Так вот, у русских земель столицей выступала, само собой, Москва. И во время оно часть российской территории отказалась подчиняться официальному правительству в Москве. Отказалась не территория, конечно – у ландшафта по вопросам, кто кому столица и какие в чем имеет права, собственного мнения нет, а если вдруг и есть, то мнением сим обычно никто не интересуется, – а обитающие на этой территории люди. Аборигены, так сказать. В обычных обстоятельствах мнением рядовых аборигенов, сиречь селян и рабочих, власти также интересуются постольку-поскольку, но тут обстоятельства оказались необычными – в ряды аборигенов записалась большая часть вооруженных сил, формально подотчетных все той же Москве, а у армейцев имелись способы свое мнение отстаивать. И самое главное, нашлось желание этим заняться, что подразумевало, в свою очередь, намерение стать не подчиненной структурой, но – самостоятельной социоформирующей силой. Субъектом политики, так сказать, а не

средством осуществления оной, как то обычно бывало... Короче говоря, вояки скооперировались с местной мафией в лице упомянутого выше Демидова со товарищи (вернее, со братки), после чего объявили себя Русской Армией и, как говорится в исторических трудах, «приняли под свою руку» все, до чего эта рука надежно дотягивалась в плане «удержать и прикрыть». Ресурсы, людей – каковые тоже ресурс – и ту часть населенной и застолбленной территории, которую могли контролировать. Далее территория сия получила совокупное имя «протектората Русской Армии», а остаток русских земель, соответственно, «протекторат Москвы». В Москве столь злостное проявление сепаратизма, обтекаемо выражаясь, не одобрили и воспротивились всеми конечностями, однако помешать отделению не сумели. Правительственные чинуши на все лады повторяли разумную в общем мысль, мол, любой спор можно решить к обоюдному удовлетворению сторон, да только ни армейцы, ни демидовская братва «второй стороне» не доверяли ни на йоту, а возвращать силой – возвращалка такая у московских деятелей не отросла... В итоге разделенная надвое русская территория обзавелась полуофициальным именем «Русская Конфедерация», чем вгоняет в ступор иных новоприбывших. История, само собой, на этом не завершилась, однако перспективы возвращения Демидовска и самопровозглашенного государственного образования ПРА обратно в русло московской политики с каждым годом выглядят все призрачнее.

Ну и наконец, Новая Земля, где все описанное творится – это, если в двух словах, другой мир; иная планета через три галактики или параллельный слой эвереттовой реальности, никто покуда не в курсе, способ заселения – телепортацией а-ля «звездные врата», технология которых известна очень узкому кругу народа, и народ сей входит в псевдомасонскую организацию под сочным названием «Орден»... Впрочем, мы сейчас не об Ордене, а о Новой Земле вообще, иначе говоря, о худо-бедно изученном фрагменте этого другого мира размером немногим более Средиземного моря с прилегающими странами – вот как раз вокруг здешнего моря, а вернее, Большого залива, и разбросаны двенадцать государств. Две России (смотри выше), три Америки (тут история еще похлеще, требует отдельного разговора), Евро-союз, Китай, пара исламских халифатов, Индия и много чего еще, для подробных объяснений лучше бы развернуть карту. Важно другое: все это основано выходцами со Старой Земли, или, как у нас чаще выражаются, «из-за ленточки», поэтому нравы и традиции у людей местами схожи; однако реальность, как говорится, вносит коррективы, мир все-таки другой, так что свежеприбывшим мигрантам настоятельно советуют сначала включить голову, а уже потом следовать прежним привычкам. К добрым советам прислушиваются не все. Заканчивается это для самоуверенных особей довольно быстро и, как правило, плохо; свидетели инцидента обычно проникаются и какое-то время ведут себя благоразумно, ну а

дальше – каждый выбирает сам. Иначе на фронтире нельзя, а Новая Земля именно фронтир, ибо хоть люди тут обитают и не первый год, но цивилизация на обширных территориях, даже в пределах упомянутых выше гособразований, представлена пока лишь островками хуторов, поселков и городков, условно связанных паутиной дорожных направлений... Впрочем, ладно, эти подробности сейчас излишни...

Что из всей этой политической географии следует?

В приложении к моему заданию, ничего особенного: города, повторяю, равновелики, территории – тоже, а различия в системе правления наверху не имеют отношения к делу, ибо просьба комиссара Рамиреса неофициальная. Одно непонятно: почему сейчас, когда «зима» хоть и идет на спад, но еще не закончилась, а следовательно, всякое перемещение вне населенных пунктов довольно затруднено, а между отдаленными краями и вовсе нереально. Зима в наших краях, сообразно климату, глубоко тропическая, то бишь не снега и метели, а ливни и ураганы. До тайфунов не доходит, однако порывом ветра вполне может сбросить человека в канаву, а уж покорежить крышу или сорвать плохо укрепленный навес вообще не вопрос. Поэтому в «мокрый сезон», как чаще зовут здешнюю зиму, народ и старается не высовываться из укрытий без особой на то надобности, ну а свободное время чем-то же заполнять надо. Отсюда и зимние обострения всего на свете...

Нет, не думаю, что у сеньора Лоренцо обострение. Не тот

человек.

Но вот у кого-то другого – да, могло и возникнуть. И комиссар как человек предусмотрительный уже теперь понимает, что с началом сухого сезона, а раньше призванная «помощь» из ПРА прибыть физически не сможет, пойдут крутиться какие-то дела, где одному ему не справиться. Или где разумнее эти дела передоверить стороннему человеку, каковым буду выступать я. Нет, что за дела, предположить не могу даже приблизительно, тут надо быть в курсе испанской кухни, причем очень глубоко и по последней сводке, а не по общему архиву. Архив этот мне, конечно, Крофт предоставить может, и если надо, запросит по желаемым позициям уточнения у коллег, в том числе у разведслужбы Лошкарева, – да только смысл в том архиве, когда неясно, что именно нужно копать. По верхам же просматривать – бесполезно, иные вопросы могут иметь корни в прошлом, а прошлое это насчитывает в Новой Земле пусть и не столетия, но все ж таки – уже двадцать два года.

По местному календарю, разумеется. Начало которого соответствует первому открытию упомянутых выше «звездных врат» Ордена, которые принято именовать просто «воротами»... Как и за ленточкой, один год соответствует одному периоду оборота планеты вокруг светила, а одни сутки – периоду обращения планеты вокруг собственной оси; поскольку базовые величины – секунду, минуту, час – переселенцы сохранили неизменными, сутки Новой Земли при пересчете

на эти базовые величины составляют тридцать часов с хвостиком, поэтому тридцатый час здесь продолжается семьдесят две минуты, а полдень наступает в пятнадцать ноль-ноль. Ну а длительность года – четыреста сорок суток, или одиннадцать местных месяцев; и если кто-то предположит, что сорокадневный новоземельный месяц соответствует периоду обращения местной луны вокруг основной планеты, то окажется абсолютно прав. С точностью до погрешности, интересной лишь астрономам.

Косвенное замечание по такой вот пропорции: год здесь составляет, снова же с разумной погрешностью, полтора заленточных. Поэтому ответить на обычный вопрос «сколько тебе лет» одинаково затруднительно и мигрантам со Старой Земли, и представителям старшего поколения аборигенов. В одних краях возраст, цепляясь за старые обычаи, исчисляют по заленточному календарю, в других, напротив, в приказном порядке привели к местному. Оба подхода имеют и плюсы, и минусы.

Еще чуток о времени. Не смогли обитатели новоземельного фронта договориться, как именовать здешние одиннадцать месяцев. Казалось бы, ну возьми, чтоб никому обидно не было, любой вымерший за ленточкой язык да обзови на ем «первый», «второй» и так далее – не латынь, чтобы со староземельным не путать, а какой-нибудь санскрит там, старонорвежский или хеттийский. Ан нет, каждый полагал своим долгом выпендриться. Оно бы тоже не страшно, к при-

меру, в нынешнем русском языке названия месяцев во время петровской реформы заимствованы из общеевропейской латыни, а в родственном украинском так и остались славянскими, и ничего, живут люди и не путаются, ну назывались бы на разных территориях месяцы по-разному, подумаешь. Так и между собой договориться не смогли. До сих пор ругаются, особенно часто – зимой, когда вынужденно сидят по домам. «Зимнее обострение», одно из них.

Странно, с днями недели такого не было, сразу согласились «будет как раньше» – а с месяцами не вышло...

Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Понедельник, 23/02/22 13:44

Час-полтора до полудня и полтора-два после – перерыв на сиесту. Что хоть и не в русских традициях, зато вполне соответствует местной жаре под пятьдесят в тени, и поди эту тень еще найди... Кто хочет, конечно, может продолжать трудиться, опять же у нас в отделе имеют место быть все климато-регулирующие удобства в виде кондиционеров, каковые моя любимая по старой израильской памяти зовет мазганами, – но обычно народ в самый зной дружно отправляется пообедать-перекемарить, а уже потом с новыми силами принимается за работу.

Таково общее для всех территорий Новой Земли расписание в сухой сезон, когда на протяжении трехсот дней шпарит безжалостное солнце, а на небе ни облачка.

В мокрый сезон о плановых сиестах все столь же дружно забывают. Между шквалами, ливнями, грозами и воистину библейскими «хлябями небесными» редко-редко втискиваются кусочки затишья, соответственно под крышей в любом раскладе уютнее, поэтому все работающие личности отдыхают кому как удобнее, или когда можно прерваться без ущерба для текущей задачи. За пределами населенных пунктов

ландшафт от обилия влаги обращается в сплошную толщу грязи, и вояж из точки А в точку Б напоминает передвижение по Гримпенской трясине, шаг в сторону от разведанного-утоптанного маршрута – и рискуешь булькнуть с головой. Никакие внедорожники не спасут, хоть на танке ползи – просто вместе с танком и булькнешь...

Сейчас на календаре как раз конец мокрого сезона, условная местная весна. Короткая, дней на десять-двенадцать. Дожди – нормальные дожди, не бешеные водопады, – чередуются с солнцем, на природе из толщи грязевых болот, покрытых дымкой испарений, со страшной силой прет свежая зелень, а вслед за зеленью и местная фауна выходит из спячки, или как там она проводит неудобную стадневную «зиму». Еще неделя-две, и солнце просушит почву до состояния «может пройти колонна подготовленных вездеходов». В новоземельных поселениях отметят День Первого конвоя – не привязанный к календарной дате праздник, когда после мокрого сезона в городок въезжает этот самый конвой, доставив условно свежие вести и какой-никакой товар, а главное, самым фактом своего появления подтвердив «дороги проходимы», – и можно считать открытым сухой сезон очередного, двадцать второго года по летосчислению нового мира.

Вот через неделю-две мне в Испанию и отбывать.

Каковую новость я и намереваюсь сейчас довести до сведения любимой супруги. Специально устроил себе внесезонную сиесту, чтобы прогуляться четыре квартала до дома, а

вернее, до скверика через дорогу наискосок, в это время Сара с коляской обычно там, если погода позволяет. Сейчас вполне позволяет; немножко капает, по сравнению с недавними хлябями – просто идеальные условия для прогулок, а ребенку, по всеобщему убеждению, нужен свежий воздух. По мнению самого Ярика, нужное – это чтобы кормили, вовремя переодевали в сухое, давали вволю поспать и, когда не спит, брали на руки и играли с ним, к примеру, в перетягивание погремушки; а происходит сие в городской квартире, поселковом доме или ухоженном скверике, все равно. Увы – одному маленькому детенышу большую толпу взрослых не переспорить. Можно только перекричать, так ведь все равно не понимают...

Обнимаю и целую мое сокровище, наклоняюсь над люлькой со вторым сокровищем, – щекастик сопит в две дырочки, прикрытый пологом от дождя; покачиваю коляску и общаю любимой о предстоящем вояже в Испанию. Вид у Сары мрачный.

– Прошлую командировку я еще не забыла.

– Ну, тогда меня играли втемную.

– А сейчас что, иначе? Рамирес не Гендерсон, согласна, но свои тайны и гешефты есть и у него.

– То есть ты против.

– Нет, – вздыхает она, – я понимаю, нужно. И зачем, тоже понимаю. Только прошу, поосмотрительнее там. В дороге-то ладно, конвойные свою работу знают, а вот на месте – ты ж

в испанских делах ни ухом, ни рылом, даже язык толком не выучил.

Mea culpa³, золотко. Пока работал в Ордене, на базе «Латинская Америка» (отдельная история), еще как-то порывался освоить благородное наречие Сервантеса; проявил бы побольше стараний, наверняка преуспел бы, язык не из сложных, спецы-лингвисты куда более заковыристыми полагают немецкий и русский, а ими-то я вполне владею. Ну русский еще ладно, не показатель, он вместе с украинским у меня родной – но немецкий-то я честно учил сам...

В общем, что я испанский не освоил – сам дурак. Была возможность. А я подошел к делу спустя рукава, ибо для сотрудника компьютерного хозяйства и английского достаточно; потом мы перебрались в Демидовск, и здесь мне опять же русского и английского хватает с головой и по работе, и по общению. В немецкие газеты еще иногда заглядываю «для поддержания формы», благо там практически все как пишется, так и произносится, это вам не ангельская мова; а вот продолжать брать уроки испанского хотя бы у жены, которая во время оно его успешно выучила – лень было. Сам виноват.

Впрочем... еще не вечер, недельки две в запасе имеется, а мне по-испански надо будет не предвыборные речи толкать, а так, разуместь в беседе хотя бы одно слово из пяти, дальше «в среде» поднатаскаюсь сам. Можно попробовать. Сара

³ Mea culpa – лат. «моя вина».

у меня по первому образованию вроде как педагог, однако в питерской школе преподавала русский язык-литературу, а не иностранные, да и в здешней взяла алгебру, на данный момент всего на четверть ставки, понятно почему. Не хватит ее талантов – обращусь к Гальцеву. В Демидовске найти «испанца» вполне реально, все ж таки, наряду с португальским, один из двух «желательных» иностранных языков для местных школяров. Не считая обязательного английского, само собой; прочие наречия скорее имеют статус факультативов.

Последнее время народ все активнее обсуждает, не перевести ли из «факультативных» в «желательные» еще французский, немецкий и итальянский, очень уж востребованы они у тех, кто плотно ведет дела с Евросоюзом. На одном английском-то в краях у итальянцев, испанцев и, особенно, французов с окситанцами рискуешь пролететь, да и у немцев затыки случаются; но если мирный турист на улице или в магазине найдет способ объясниться хотя бы на пальцах, то для конвойной группы, к примеру, подобные затыки чреватые чэпэ с жертвами... что равносильно снижению репутации, а Русская Армия за такое готова порвать на мелкие тряпочки любого противника. Кто б возражал. Опять же боевая задача «конвойная проводка» для вояк протектората в последние пару лет – официальная сфера приработка, такой себе хозрасчет, клиент вносит на счет армейцев сумму согласно тарифу и получает для своих ценных грузов охрану до места. Какой процент «хозрасчетных» волею командова-

ния выделяется непосредственным исполнителям – признаюсь честно, не в курсе, но с зарплатой военнослужащих РА всяко не обижают... Получаются у бойцов постоянные «полевые командировки» по любому маршруту на «цивилизованных» территориях, то бишь тех, которые простираются от берега Большого залива на юге до горной цепи Сьерра-Гранде – Сьерра-Невада – Кам на севере, и от бразильских джунглей до восточного побережья континента.

Почему всем этим хозрасчетом занимается армия, а не обычные водилы-дальнобойщики? Потому как процент романтиков с большой дороги в Новой Земле примерно вдвое превышает голливудские штампы об опасностях фронта, и если на серьезный конвой обычно не лезут и он может более-менее штатно проследовать «из пункта А в пункт Б», у колонны без боевого охранения проблемы на том же маршруте почти гарантированы. Вплоть до утраты всего на свете, и пуля в башке еще не худший вариант из зафиксированных... «Мы – легкая пехота, самые крутые здешние войска», так говорят проводчики конвоев, щеголяя погонями с «крылатыми колесами» автобата. Егеря с нарукавной эмблемой в виде спецназовской летучей мыши поспорили бы, которые из подразделений Русской Армии круче, все ж таки кататься с броней от Восточного океана до исконно русской реки Амазонки – это попроще, чем сходиться в заамазонской «зеленке» с моджахедами Ичкерийского Имамата и гонять по Скалистым горам и отрогам Сьерра-Гранде разно-

калиберных спилов⁴ бандитского сословия, которых не признала своими Бразилия и не захотел или не успел укрыть Латинский Союз.

Но если говорить об иностранных языках, с которых я вообще поднял эту тему, так суровым «бэтменам»-егерям требуется уверенное владение скорее автоматом, чем художественным словом... хотя, «языков» ведь тоже нужно допрашивать, так что неправ я, у спецназеров и прочей войсковой разведки на испанский-португальский спрос не меньше. Как и на чеченский, для той же надобности. Чеченский даже актуальнее, пожалуй: банды со Скалистых гор в нашу сторону почти уже не лезут, чего о нохчах не скажешь. Принципиальное разногласие с ПРА по аграрному вопросу, и войне этой уже годков десять...

Так, ладно, с ичкерийскими боевиками пусть работают товарищи более подготовленные. Мой вклад в обороноспособность протектората – работа кабинетным аналитиком в ГосСтате, то есть политэкономическая деятельность в штабном тылу, да еще ополченческие сборы по району. Участвую, куда денешься, хотя топтать грязь с автоматом наперевес совершенно не мое. Но – всякий мужчина в ПРА обязан если не отслужить срочную, то хотя бы, пока позволяет здоровье, тащить лямку ополченца-резервиста, такие себе «бойцы второй очереди» в поддержку кадровому составу Русской Ар-

⁴ От искаж. «speak», в Америке – прозвище мексиканцев, в широком смысле – всех испано- и португалоговорящих, сиречь латиноамериканцев.

мии «если завтра война». Поддержку сию резервисты оказывают главным образом в пределах своего округа, далеко их – в смысле, нас – стараются не таскать, ну да тут уже как карта ляжет...

Женщины призыву не подлежат, для них служба только добровольная – и, за редким исключением, не в боевых подразделениях; зато многие вместе со скаутами-подростками состоят в «доськах», как для краткости именуется Добровольное общество самообороны, в чьи задачи входит «защита родной хаты, когда больше некому». Программеры старого закала, впервые услышав аббревиатуру ДОС, тихо фыркают⁵ – но в общем-то она вполне правильная и в этом смысле, «просто-кондово-надежно», командирский состав «досек» сплошь из ветеранов, демобилизованных по ранению или возрасту, так что «бойцы третьей очереди» у протектората тоже не красного словца для. За оружие им приходится браться в ситуациях совсем уже экстраординарных, как о подобных эпизодах говорили римские хронисты, «дело дошло до триариев»; в последние годы такого во внутренних областях ПРА не выпадало, только вдоль Амазонки да в окрестностях Берегового, – однако согласно старому советскому девизу, бронепоезд на запасном пути содержится подготовленным и укомплектованным.

⁵ DOS (Disk Operating System, *англ.* «дисковая операционная система») – однозадачная операционная система, первые версии разработаны еще в 1960-х гг. Доминировала на рынке персоналок в 1980-1995 гг., ныне вытеснена более продвинутыми.

Сара у меня также числится в «доськах», но на сегодняшний момент – сугубо номинально, ибо «кормящая мать в декретном отпуске»; впрочем, оружие и снаряжение на складе РАВ⁶ на Второй Литейной она честно получила и «семьдесят четвертый» свой держит, как и положено, в шкафу слева от входа. А еще дико переживает, что никак не может втиснуться в выданную там же штатную разгрузку «женского размера». В спортзал ходит с Нового Года, как врач разрешил после родов, потеет всюду, однако получается не столько согнать лишний вес, сколько подкачать мышцы и вообще улучшить тонус. Лично я этим вполне доволен: на здоровье моя драгоценная и прежде не жаловалась, окрепшие мускулы позволяют свободно проводить на ногах весь день и таскать коляску с детенышем, округлые и пышные формы ее нравятся нам обоим, а какой там рисуется размер одежды и что показывают весы – вопрос не самый важный. Ну да пусть, сходить на склад и обменять разгрузку еще успеет, не дефицит. Дорастет Ярик до ползунково-ясельного периода, чтобы его можно было на некоторое время сдать под присмотр, тогда супруге гражданская совесть не позволит более манкировать тренировками «досек» на полигоне – вот и займется.

Трижды объехав скверик на перамбуляторе (массаракш, вольно же было создателям ангельского наречия изобрести

⁶ РАВ – ракетно-артиллерийское вооружение. Стрелковое оружие также относится к службе РАВ и хранится на соответствующем складе.

столь зубодробительный термин для скромной детской коляски!), возвращаю спящее сокровище супруге, снова целую ее и направляюсь обратно в отдел.

Буквально через пять минут меня окликает тетя Надя, что живет через дом, а сейчас неспешно колесит по микрорайону на старом велике, с полной корзиной прессы:

– Влад, твой «Новый мир» поступил, второй номер, берешь?

– Само собой, спасибо, – тут же добываю из кошелька-набрюшника три красных пластиковых десятки и вручаю нашей добровольной почтальонше. Тетя Надя по возрасту-здоровью уже не работает, однако перебираться в пригород и возиться на грядках-клумбах, как многие ее ровесники – склонности не имеет. Потому приняла на себя посильную общественную нагрузку и функции районного почтальона. Отделение NWM – «New World Mail», сиречь «Почта Новой Земли» в переводе с интернационального ангельского – тут в двух шагах, заглянуть несложно, однако тетя-Наде это помогает чувствовать свою нужность, а раз так, почему бы не сделать человеку приятно?

«Новый мир» – это не заленточный журнал высоколобого литературного мейнстрима отечественного разлива, а совсем иной печатный орган, сугубо местный. В смысле, новоземельный. Полностью зовется «Brave New World», этакое пафосно-фронтирное название, над которым люди понима-

ющие хихикают самым активным образом⁷. Рупь за сто, основатель журнала это прекрасно понимал. Специфическая личность. Безумный (в хорошем смысле данного слова) медиа-магнат Обадия Джаред «Оджи» Касвелл из Форт-Рувельта. За ленточкой он начинал чуть ли не репортером, потихоньку дорос до главреда, на газетно-журнальных делах съел целую стаю сенбернаров и заработал невесть сколько миллионов. Как сию акулу медиа-бизнеса занесло в «ворота», не суть важно; факт в том, что старику Касвеллу стало скучно прожигать остаток жизни в персональном двенадцатикомнатном бунгало, и он организовал вот этот самый журнал. Штатных член-корреспондентов нанимал лично, концепцию и формат издания спioniерил у «Национально-географического»⁸, творчески адаптировав классику под местные реалии, а сеть распространения и вовсе подвязал к почтовым отделениям: передача фототелеграфом дизайн-макета «из центра», каталог всех выпусков журнала и постоянная услуга «печатать по требованию любого номера в любом количестве». Причем цена совершенно не заоблачная, двадцать

⁷ «Brave New World» (*англ.* «Храбрый новый мир») – еще и название известного романа-антиутопии О. Хаксли, в основном русском переводе – «О дивный новый мир».

⁸ «National Geographic», исходно «The National Geographic Society Magazine» (*англ.* «журнал Национального географического общества») – официальный печатный орган Национального географического общества, с 1905 г. представляет собой иллюстрированное научно-популярное издание со статьями по истории, географии, науке, этнографии и пр.

девять экю девяносто девять центов за пухлый такой журнальчик в цвете, на хорошей бумаге и, главное, с познавательными и интересными фоторепортажами и очерками под плотной глянцевой обложкой – оно того очень даже стоит. Не уверен, что безумный старик Касвелл получает от своего детища большой доход, скорее всего специально «вывел в ноль», чтобы журнал был для него не бизнесом, а чистым удовольствием...

Помимо того, что касвеллов «Новый мир» весь из себя красивый, его материалы обладают еще одной особенностью, приятной для читателя и редкой для прессы как таковой. Сведения там могут подаваться с разных позиций, однако вранья в очерках не замечено ни разу. Сами журналисты подобраны такие честные, или в набор идет только проверенное и одобренное лично Оджи Касвеллом, который полагает ложь недостойным настоящего репортера приемом – тут уже внутренняя кухня; мне важен результат.

Так, ну и что выбрано темой нынешнего номера? В прошлом выпуске вовсю ругались насчет новоземельной геологии: профессор Шаверин из демидовского политеха, гурь всех геологоразведчиков протектората, громил в пух и прах «метеоритную» теорию доктора Прескотта из тexasского Музея естествознания насчет образования горных массивов Сьерра-Гранде – Сьерра-Невада – Кам, Скалистых гор и Амазонского хребта. Мол, даже если Большой залив и правда след крупного метеорита, царапнувшего эту планет-

ку миллионов этак сто лет тому назад — что на сегодняшнем уровне океанографических исследований проверить невозможно, соответствующее оборудование и в Старом-то Свете не каждая экспедиция имеет, а уж здесь и подавно, да еще статистику с таким оборудованием нужно собрать хотя бы с десятка тысяч точек... — даже если тут действительно поработал метеорит, ко всем этим горам он в принципе не может иметь отношения. Ибо их возраст колеблется от двадцати до шестидесяти миллионов лет, причем Сьерры минимум на десять миллионов лет старше Скалистых гор, а хребет Кам еще старше... Вежливая рекомендация Шаверина многоуважаемому доктору естественных наук и крупному специалисту по крупным позвоночным «заниматься своим делом и не лезть в то, в чем ты ни ухом ни рылом» в тексте отсутствовала, однако между строк очень даже читалась. Красиво изложено, если на своих лекциях профессор работает не хуже, за подготовку геологоразведчиков на службе ПРА можно быть спокойным...

Не утерпев, вскрываю обертку и на ходу листаю журнал, прикрывая от дождя краем дождевика. Ага. С геологии перешли на политику с этнографией: Латинский Союз и Бразилия, хроника-факты-комментарии. Тоже тема, почему нет, абы связно и интересно рассказывали, а здесь «Новый мир» обычно не подводит.

Предвкушая вечернее отдохновение со свежим номером любимого журнала, чуть не сталкиваюсь лоб в лоб с нашим

военкомом Сергеичем. Согласно Ай-Ди, как всеохватным (в Новой Земле) Орденом именуется единый для всех документ «федерального уровня», он, конечно, Иван Сергеевич Децюра, однако все знакомые зовут отставного майора-ракетчика просто по отчеству.

– О, Влад, здоровеньки булы! Утром тебе не застав, вже мав думку через жинку сповищаты, чи то телефонуваты ввечери.

Это он думает, что шпрехает по-украински. И ведь сам родом с Волыни, после развала Союза уволился в запас, вернулся на родину и переселялся через «ворота» Киева. А все равно суржик суржилом, вот что значит жить без практики общения в русскоязычном окружении, причем никакие книги не спасут, тут надо говорить и слушать... Сергеич и сам это понимает, потому и пытается с каждым, кто проявил знание украинского, беседовать именно на ридной мове. Там, за ленточкой, поправил бы, хоть он и вдвое старше. Здесь не стану.

– Скойилося щось?

– Завтра тыжневи сборы, выйиздимо у шить утра и аж до наступного вивторка. Узгодыв нарешти со всима инстанциямы... Ты ж розумиеш, суха пора на носу, як страда почнеться, народ хто у розйизды, хто цилодобово по тых заводах буде видпрацьовуваты... а в нас бойове злаження й доси шкутыльга.

Угу, слаживание у нас таки хромает на все четыре лапы.

Ибо происходит не иначе как от слова «лажа». Не скажу, что близко знаю всех обитателей Инструменталки, но похоже, что среди них, в смысле, среди нас куда больше работников индивидуального фронта, чем «командных игроков», привычных к совместному труду «артелью». Сам такой. Самодисциплина и дисциплина – далеко не одно и то же, массаракш. Поодиночке, так оно все вроде и ничего: рацией пользоваться народ умеет, ибо в массе технически грамотный, стрелять – кто как, но три снайперских группы сколотить удалось; нашлись и водители категории «Д» для всех транспортных грузовиков-автобусов, и охотники-следопыты для разведки «в поле»; даже укомплектовали расчеты «дашки» и «зушки», приданных нашей условной роте как «тяжелая огневая поддержка»... только вот вместе все это хозяйство пока сочетается не очень. Сергеич и его замы стараются как могут, однако без практики, похоже, тут никак, причем практики подольше проведенных на пригородном полигоне трех-четырех часов. Недельный выезд не сделает нас ровней ни егерям, ни даже обычной мотопехоте, но кое-чему действительно научит. Тут Сергеич прав.

Неправ он в другом: с этими сборами по Инструментальному району у меня, массаракш, накрываются и уроки испанского, и последняя неделя перед командировкой в обществе любимой жены и детеныша. И даже приятный вечер с умным журналом в минус, времени на чтение почти не останется.

Только выбора все равно нет. Вернувшись из отдела после работы, надо будет приготовить на завтра минимум шесть пар сменной поддевки и три комплекта походно-полевых тряпок. На смотр полагались бы исключительно уставные «русские джунгли», так в народе именуют камуфляжную расцветку под местную растительность, разработали новоземельные китайцы по заказу РА – но у нас-то по плану не парады. А для «тренировки боевого слаживания» и ползания по грязи вполне подойдет и купленная за бесценок на «Европе» в магазинчике Алека «жабья кожа»... Ну и, разумеется, не забыть про оружие, благо мне как «резервисту» его выдали вместе с обмундированием, дабы «в случае чего» каждый занимал позицию по боевому расписанию уже полностью боеготовым. Швейцарский подход, там каждого, кто отслужил, «на дембель» отправляют со штатным оружием и боекомплектom, вменив в обязанность все это хранить дома – и по двум зеленым свисткам, или как там у потомков Вильгельма Телля оформлен соответствующий сигнал, снаряжаться и вставать на вторую линию обороны. Так что у каждого дома лежит и ждет своего часа боеготовый «зиг» – у ветеранов «пятьсот десятый», у молодых «пятьсот пятидесятый»; не уверен, впрочем, что в новейшей истории первыми завели такую практику именно гелветы...

Когда оформили гражданство протектората с одновременным зачислением меня в эти самые резервисты второй очереди призыва, со склада РАВ выделили стволы, согласно

штатного расписания – бэушные АКМ и ПМ, по желанию сие оружие либо оставалось собственностью ПРА и передавалось «во временное пользование», то есть пока числишься гражданином и резервистом – либо выкупалось владельцем «по госцене», в кредит или за наличку. Саре, как «доське», вручили такой же «макар», а основным стволом предложили на выбор СКС или АК74; она без колебаний взяла автомат, ибо новый. «Пятерку» военные теоретики РА, не иначе как вспоминая джунгли Вьетнама и Анголы, правильным военным калибром не считали, вот и достался любимой свежий «калаш» прямым из арсенала базы «Россия», то есть с заленточных складов госрезерва... «Макаровы» мы с женой, повертев в руках, отказались брать вовсе – мол, свои пистолеты имеются, привычнее, удобнее и мощнее, у меня «баллестр-молина», а у Сары компактный «йерихо» сорокового калибра; прапор-кладовщик не слишком возражал, все-таки мы не в строевом составе, да и среди кадровых бойцов РА часть народу предпочла не менять проверенные годами честной службы ПМ, «стечкин» или «гюрзу» на новый уставной «грач». Ворчал только, мол, не цените вы заботы командования, ишь – моду взяли, брезговать добрым оружием; вас бы да лет на десять назад, тогда автоматов и на строевые части не хватало, а уж ополченцу, если своего нет, выдавали хорошо если симоновский карабин, а то, случалось, приходилось идти в бой аки предки в Отечественную, с «сударем», «папашей» или вообще с трехлинейкой. Про короткоствол и

вовсе можно не мечтать, «добудете в бою», так сказать. Спасибо, заботу оценил; Русскую Армию уже перевооружили на новые «сто третьи»-«сто четвертые», и получается, «отвоевавшие» стволы в компании трофеев от чеченов и прочих бандитов прошли курс лечения в полковой оружейке и отправлены обратно на склад. Откуда теперь и снабжают «бойцов второй очереди», а состоящим в ДОС выделяют «что осталось». Нет, в принципе согласен, у действующей армии и должно быть снаряжение лучше, чем у резерва, которому в бой то ли идти, то ли обойдется. И все-таки хорошо, что у нас обоих, в отличие от тех помянутых кладовщиком ополченцев прошлых лет, есть и «свое» оружие, соответственно при необходимости можем выбрать.

Кстати, к вопросу о выборе оружия... смотрю на часы – минут двадцать в запасе есть, успею; а заберу тогда уже вечером, по дороге с работы.

Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Понедельник, 23/02/22 20:43

Лавка «Соколов и сыновья» заточена под любителей культурно отдохнуть на природе, сиречь охотников и рыболовов. С поправкой на местную рыбу и дичь. Нет, удочки вроде бы обычные, как в староземельных магазинчиках – впрочем, я в данном вопросе не копенгаген, максимум отличу катушку от мормышки, – а вот охотничий комплект подразумевается специфический. Не без личного понимания хозяина «как надо правильно охотиться», полагаю. «Дичью» он зовет лишь нечто крупное и, соответственно, живучее, мол, мелочью вроде лисиц, барсуков и прочих сайгаков пусть хвастают за ленточкой те бедолаги, кому ни разу не приходилось брать на мушку настоящее зверье. «Настоящее зверье» подразумевает, что на него надо ходить только с большой и могучей стрелялкой, скажем, дробовики калибром меньше двенадцатого, а лучше десятого Соколовы за оружие не считают вовсе. «Хауду» ту же причисляют к пистолетам, и вообще в ассортименте держат только из-за ее популярности у владельцев открытых багги и квадров; ну не под силу нормальному человеку из тяжелого ружья работать навскидку с одной руки, не отрываясь от баранки – а из пистолета и прочих дер-

ринджеров в движении поди куда попади, это дробовой конус сам цель находит...

А для души владельцы лавки ваяют натуральные слобои под африканскую «большую пятерку»⁹, точно как в том анекдоте: «Что такое джентльменская охота на слона? – Это когда джентльмен берет штуцер восьмого калибра, подходит к слону, стреляет, оба падают, кто первый встал, тот и выиграл». Видел, верю, не знаю как слона пулей, а нормального человека отдачей точно свалит; но Соколов-папенька и четверо его взрослых сыновей те еще кабаны, росту среднего, а ширины неимоверной, профи-штангист обзавидуется...

Вот именно этим «оружием для души» они и прославились. Клепать стволы с нуля на местных ресурсах – других оружейных кустарей такого класса я в Новой Земле не встречал. Разумеется, агрегаты у Соколовых охотничьи, не армейские, и на круг выходит подороже заленточного импорта; однако остальные оружейники и таким похвастать не могут.

Вон она, хозяйская гордость, на отдельном стеллажике у продавца за спиной: двуствольная курковка наподобие классической «тулки», только покороче и десятого калибра; такая же переломка-бокфлинт; могучий слобой а-ля «винчестер-семьдесят-сафари» с выступающим отъемным магазином; короткий «русский винчестер», а вернее, вариация на тему того, сделанная вместо исходного трехлинейного

⁹ «Большой пятеркой» в охотничьей среде именуют самых опасных зверей Черного континента – слона, носорога, буйвола, льва и леопарда.

боеприпаса под обычную нашу «семерку», вышел у Соколовых неплохой развлекательно-пострелушный карабин – народ хвалит; «змеиный» дерринджер под четыреста десятый охотничий патрон, дробью с трех метров вполне покрывает любую ползучую гадину, и при этом в разы легче и удобнее «хауды», где хочешь, там и носи; а еще, для ценителей, клоны револьверов дикозападной эпохи: скопированный один в один «миротворец» с резной рукоятью из чьего-то рога, и второй, с переломной рамкой, на рукояти накладки полированного синеватого дерева, смахивает на помесь бриттского «веблея» и русского «смит-вессона», могу ошибаться, но вроде в Старом Свете в начале двадцатого столетия подобное всюду клепали испанцы и бельгийцы...

Нет, я не поклонник ковбойско-неовикторианского антуража. Но оценить мастерство могу.

Зачем я сюда вообще сейчас заглянул, раз не охотник на крупную дичь и не любитель бегемотовых калибров? За этим самым мастерством. Да, ремонт и тюнинг оружия делают во многих оружейных магазинчиках Новой Земли, но раз уж лавка Соколовых находится неподалеку от наших апартаментов, а мы с хозяином хорошо знакомы, благо несколько раз спорили насчет разных систем вооружения... Вскоре после того, как Сару оформили «доськой» и выдали свежий «семьдесят четвертый», наша общая знакомая Соня присоветовала ей вариант, как модернизировать сие в целом неплохое оружие под себя; мы к Соколовым тогда в первый раз и за-

шли, на предмет заменить приклад. Полчаса ругались, что в нашем случае лучше, стандартный АКС или более интересные версии. Соня, та ратовала именно за АКС, но она девица спортивная и такую базовую опцию армейского кунг-фу, как «оформить прикладом в морду», полагает для личного оружия небесполезной; у моей любимой комплектация иная. В общем, победил мой авторитет, и «калаш» Сары обзавелся складным вбок прикладом из толстого прутка, как у немецкого. Выигрыша по весу, правда, не получилось, но складывается компактно, в машине в самый раз, и у плеча вполне удобно. В рукопашной не годится, так моей любимой она и не нужна, вот и нечего плодить лишние искушения.

Свой АКМ я тогда трогать не стал, все равно «основным стволом на случай войны» у меня «фал». Да, я считаю, что бельгийский агрегат по ряду параметров лучше и удобнее «калаша», и полгода нерегулярных тренировок в составе ополченческой сотни сие мнение не поменяли. Однако перед большим выездом на сборы, где появиться нужно именно со штатным оружием – стоит кое-чем озаботиться...

В вечернюю смену сегодня за главного Соколов-второй – старший сын, Роман. Чуть постарше меня, такой же широкий, как отец, но брюхо под голубой футболкой пока не столь объемистое; на черепе светлый ежик миллиметра в три, на подбородке чуть поскромнее. Закончив расписывать клиенту все достоинства зверовой охоты с четыреста пятьдесят восьмым калибром и благополучно впарив-таки начи-

нающему Аллану Квотермейну фирменный «соколовский» слонобой за скромные восемнадцать сотен экю, да еще коробку патронов по пятнадцать монет за штуку, Роман прощается с удачным покупателем и переходит ко мне. Здороваться с этим кабаном за руку – не самое приятное дело, а куда денешься? Впрочем, испытание моих костей и связок длится недолго, и с широкой ухмылкой Соколов-второй достаёт из-за прилавка автомат, который в его лапах больше смахивает на детскую игрушку.

– Вот, как заказывал. Рамочный приклад от «галила», один в один как на твоём любимом «фале». В рукопашной при случае тоже сгодится, хотя это ты и сам знаешь.

– Верю на слово, не проверял.

– Ну, мало ли, вдруг понадобится, всякое бывает. Ещё батя поставил нормальный компенсатор отдачи, у «сто третьего» больше, но твой не хуже. Точно сверху рельсу не хочешь? Наши прицелы, конечно, на боковом креплении идут, но вот западные все сплошняком цепляются на Пикатинни, а они в деле вроде поудобнее будут.

Отмахиваюсь:

– Да мне ни западные, ни наши нафиг не нужны. И сам я не снайпер, и автомат, сам видишь, до меня успел повоевать. Толку с той оптики, когда от железа особой точности нет.

Удается благополучно отбояриться и от съёмной штурмовой рукоятки, мол, «удобно для зачистки помещений» – кто ж меня на ту зачистку пошлет, а по доброй воле и подавно не

пойду, – и от камуфляжной пленки, которой-де можно обклеить автомат, чтоб не видно было в зарослях. Ага, такой «обклеенный» в траву уронишь, и потом ищи его с миноискателем...

Ну что, старичок АКМ приведен «в полный ажур», так что завтра я с ранцем за спиной и с обновленным автоматом поперек груди – ровно в шесть утра стою у того самого скверика, где наш детеныш выгуливает Сару, и жду транспорта...

Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Вторник, 31/02/22 09:28

– О, вижу, гоняли вас на сборах в поте лица, – жизнерадостно ехидничает Соня при виде моей осунувшейся физиономии. Скрыть недосып даже борода не помогает. – Вразумление было только словесное, или кнуты тоже в ход пошли?

Вяло отмахиваюсь. «Досек» тоже по полигону гоняют весьма активно без скидок на «слабый пол», мы оба это прекрасно знаем, но раз в неделю-другую посетить учебно-тренажерный комплекс комендантского взвода в десяти минутах на маршрутке или получасе трусцой – оно далеко не то же самое, что неделю кряду отпахать в полноценном тренировочном лагере где-то на территории ППД. Нет, это не «пистолет-пулемет Дегтярева», а «пункт постоянной дислокации», так обозвало свою штаб-квартиру руководство Русской Армии, обнеся более чем обширным периметром безопасности закрытый военный городок и не менее закрытые склады и объекты в его предместьях... Опять же, когда неполную сотню ополченцев пытаются сделать боеспособной тактической единицей три офицера-отставника и с десяток отслуживших срочку в каком-нибудь стройбате или пригородной роте связи – это одно, а в ППД в мокрый сезон

хватает свободных бойцов строевого состава, чтобы приставить чуть ли не к каждому персонального «куратора». Может, сами «кураторы» и предпочли бы отдохнуть нормально, а не тратить время на беготню с цивилами-резервистами, однако приказ начальства в РА обсуждать не принято. Не с нами, по крайней мере.

– Ты уже здесь, Влад? – проявляется в зале массивная фигура директора Крофта. – Хорошо. Когда там первые конвои на восток должны идти?

– В четверг, – подсказывает сбоку Слава, он всегда в курсе расписания чего угодно.

– То есть послезавтра. Ладно, тогда сегодня свернешь и сдашь все, что у тебя незавершенного, а завтра можешь готовиться.

– А я один еду, или как?

В ответе не очень сомневаюсь; действительно, Гальцев ухмыляется.

– Само собой, или как. Где-то в одиннадцать загляни ко мне в кабинет.

В указанный срок стучу в дверь, слышу изнутри обычное «открыто, входите» и появляюсь перед начальственными очами. Тут же обнаруживаю, что в помещении, кроме меня и Гальцева, присутствует еще одна личность – пожилой, но еще крепкий дядька. Пониже меня и Крофта; короткий ежик, наголо бритый подбородок при роскошных гусарских усах – голова наполовину седая, а усы черные как смоль без еди-

ного белого волоска, и крашенными не выглядят. Легкая серая ветровка, штаны ментовско-камуфляжной расцветки «тень», армейские берцы, в открытой нейлоновой кобуре старичок ТТ – вернее, судя по чуть удлиненной рукояти, его юговская версия, как там ее, «застава-пятьдесят семь», что ли.

– Значит, так, Влад. Роту егерей тебе в кортеж выделять – жирно будет, а напарника возьми. Знакомьтесь и согласовывайте все подробности сами. Крук, – кивает усатому, – в делах охранных и походных старший ты, в остальном руководит Влад. А теперь оба вон из моего кабинета, у меня еще дела.

Подчиняемся приказу и идем знакомиться. Крук, он же Драган Белич, некогда заставник¹⁰ югославской береговой охраны, затем боец Тигров Аркана¹¹... в общем, году так в девяносто пятом по заленточному календарю их община оказалась в Новой Земле, беженцами, на два десятка опаленных гражданской войной рыл – семь стволов, четыре баула шматья и по тысяче эку от орденских щедрот на нос соглас-

¹⁰ Заставник (*серб.* «знаменосец») – унтер-офицерский чин в армии, ВМФ и ВВС как Югославии, так и всех ее наследников. Соответствует, в зависимости от рода войск, отечественному прапорщику либо мичману, а по стандартам НАТО – зауряд-офицеру.

¹¹ «Арканови тигрови» (*серб.* «Тигры Аркана») – так в честь своего командира, Желько Ражнатовича по прозвищу Аркан, именовалась Сербская добровольческая гвардия – добровольное паравоенное формирование времен югославской гражданской. «Тигры» участвовали в хорватском и боснийском конфликте, затем были распущены.

но программе Б (как же, знакомо). Не голые-босые, но к тому близко. Куда податься в новом мире, сербы плохо себе представляли; поверили обещаниям вербовщика из Протектората Русской Армии, осели на росчистях в нижнем течении Амазонки, в сотне верст от Берегового – и о сделанном выборе не пожалели. Самому Круку крестьянский труд вскоре надоел, однако и впрягаться в местную армейскую лямку не хотелось, возраст не тот уже, да и в Старом Свете навоевался, право слово, выше крыши; пристроился водителем-экспедитором в нефтехимическую конторку в Береговом, а потом сложными кунштюками оказался в Демидовске, в частной охранной компании «Синие стрелы». Много раз ходил с конвоями и по Северной дороге, и по Южной, бывало – в Бразилию, а однажды даже в Китай занесло; опыт стычек с дорожными налетчиками – есть, опыт избегания таких вот боестолкновений – тоже есть. Телохранителем в чистом виде не работал, но в прикрытии, в городе или, скажем, карьере каком – случалось. Жены-детей не нажил, не имеет и желания такими обзаводиться; близкая родня – сестра с мужем и тремя мелкими, дальней давно нету. Самому Круку тридцать третий год (по документам протектората, то есть сорок восемь заленточных лет; выглядит Белич явно постарше), помимо родного сербского и «приемного» русского, он сносно знает немецкий, итальянский и испанский.

Человек в местных реалиях куда как подкованный, короче говоря. По-русски говорит очень хорошо и почти без ак-

цента.

– Машина у тебя как, годная? – интересуется серб.

– У меня «матт», – отвечаю, – из-за ленточки пришел почти новым, здесь три месяца катались без фанатизма и перед мокрым сезоном провели полное тэо. Только в этот вояж его брать не вижу смысла, пусть жена ездит. Я бы лучше пристроился в конвой пассажиром, много вещей брать не планирую. Что понадобится, проще подкупить в дороге.

– Можно и так, – соглашается Крук, – если от конвоя не отрываться. Хотя я люблю иметь свободу маневра.

Развожу руками.

– Да какой тут маневр, дороги только-только вскрылись... Дней через двадцать еще куда ни шло, а сейчас полста метров в сторону от маршрута, и сядешь на брюхо. Или нет?

– Или да, – кивает Белич. – Твоя правда. По походному снаряжению...

Проходимся по списку «минимально потребного для дальней дороги», особых разногласий не возникает.

– Рация есть?

– Да, – отвечаю, – пара эмчээсовских ходиболтаек системы «роджер», модель не помню. На три-четыре версты они точно работают, для конвоя с головой.

– В конвое связь так и так выдадут, меня больше заботит на месте... правда, для мобильной нужен мобиль, в смысле тачка. Ладно, обойдемся так. Бери своих «роджеров», раз с ними знаком... Ну и оружие не забудь.

– Вот уж на сей счет не волнуйся, у меня из личной коллекции, считай, отделение снарядить можно.

– Какой такой коллекции?

Ухмыляюсь во все шестьдесят четыре зуба.

– Тебе списком, или напрашиваешься в гости на чай с предметным показом всех музейных экспонатов?

– Могу и напроситься, – улыбается Белич, – тебе ж этими экспонатами явно горит похвастаться.

Ну в общем да, правда. Есть у меня такая небольшая слабость. А тут случился новый понимающий человек, которого я еще своими железками не доставал.

– Договорились. Уточню у жены, когда лучше, сегодня вечером или завтра к обеду, и подходи.

Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Вторник, 31/02/22 21:27

После работы мы, если не засиделись сверхурочно над чем-то авральным, нередко отдыхаем в кафешке «Валентина» неподалеку от конторы, болтая о том о сем за стаканчиком чего-нибудь мокрого по выбору. Не всем ГосСтатом, конечно; Крофт, к примеру, в посиделках пару раз участвовал, но – без особого увлечения, так, кружечку пропустит, а дальше исчезает то ли домой к семье, то ли по другим делам, благо их у него на пятерых. «Ядро» нашей компании образуют Соня, Слава и Борис – вот никак не соображу, с кем из них она все-таки «на постоянной основе», или действительно с обоими? Частенько присоединяюсь я, чуть пореже – Дима и Саня-Рыжий из соседнего отдела. Саня-Сокол и Анжела Петровна посиделки в «Валентине» игнорируют, хотя вроде и не трезвенники. Их дело.

Как правило, Сара меня там и ловит, руки в бедра и демонстративно принюхиваясь. Все знакомые в курсе моей склонности пьянствовать, ага – два бокала семиградусной вишневки в день уже много, – и любимая, само собой, не исключение. Игра на публику. Но зато появляется повод не просто меня поймать, а остаться с коляской в кафе «чтобы

был на глазах» и включиться в беседу, заодно получается и «выход в люди», как именуют сие янкесы, «going out». Для светских-то раутов обитатель коляски пока маловат – завтра у нас первый юбилей, целых сто дней человеку исполняется, по местному календарю это два с половиной месяца, а по заленточному счету почти четыре, – а в «Валентине» всегда есть кому и люльку покачать, и дите на руки взять, и вообще повозиться.

Сегодняшний вечер не исключение. Ярик только-только набулькавшись молока, спать пока не настроен и охотно лежит у меня на руках, пока Сара меняет пеленку в коляске, а Соня, Борис, Дима, Слава и примкнувший к нам Крук обсуждают кухонную политику, вернее, политическую географию, как раз по мотивам очерка про Латинский Союз из последнего номера «Нового мира».

– Вот, смотри, – оживленно жестикулируя, вещает Борис, плотный и лысеющий, – когда Орден нарезал разным анклавам территории для проживания, он поставил китайцев, латиносов и бразильян в совершенно одинаковые условия. От большой любви, не иначе. Выселил за пределы цивилизованных зон, и озаботился, чтобы между ними и цивилизацией был двойной барьер – во-первых, серьезные горы, сквозь которые проезжих маршрутов всего ничего, а во-вторых, обитающие в этих горах бандиты...

– А бандиты точно были раньше? – сомневается Дима.

– Однозначно. От бандитов в Сьеррах и Скалистых горах

отбивались еще до Демида, если верить дневникам первопоселенцев.

– В Камских горах не лучше, тамошние хунхузы трижды осаждали Руан и однажды разграбили Штутгарт, – добавляет Крук, – только в последние годы попритихли, когда бундеса и легионеры провели несколько совместных операций и проредили эту братию.

Борис кивает.

– Зато в Сьеррах бандитская вольница сильна как никогда. Медом им там намазано, что ли? Читал хроники – на дворе конец пятого года, переселенцы только-только поставили блокгауз и салун там, где сейчас Аламо, и тут на них с севера налетает шайка... да что там шайка, целая орда, сотен в несколько, отстреливались четыре дня кряду. Чего ради вся заваруха, так и не выяснили, но половина поселенцев там же и легла, и вместе с ними – Легенда-Чамберс и его Десятая экспедиция почти в полном составе, как раз возвращались откуда-то из наших краев Северной дорогой и влипли...

Слава вскидывается:

– Погоди, а не Десятая экспедиция открыла наши Амазонку и Ориноко? Выходит, это Чамберсу надо сказать спасибо за такие названия? Русские на Ориноко – ведь звучит как чистой воды фоменковщина...

Борис чешет затылок.

– Не, не Десятая. Восьмая, а может, Седьмая, не помню точно. Но назвать вполне мог и Чамберс, топонимы Рио-

Бланко и Рио-Гранде – его заслуга, так что от латиноамериканской романтики старика могло пробить...

– Нашли романтику, – передергивает плечами Соня. – Ладно еще прерии с Диким Западом, а вот всякие там ацтеки-инки-мая и их заморочки – нормальному человеку столько не выпить.

– Так ведь Чамберс на то и Легенда, – с серьезным видом отмечаю я.

– Вя, – соглашается Ярик.

Смех за столом; ребенок удивленно моргает и сам расплывается в беззубой улыбке.

Затем Борис возвращается к прерванной мысли, расписывая, мол, хотя стартовые географические условия у Бразилии, Китая и Латинского Союза одинаковы – отрезаны от цивилизации горами и бандитами, – дальнейшее окружение у анклавов не совпадает, поэтому и развитие территорий шло по-разному. Китайцы, наладив у себя какие-никакие шаланды, способные перемещаться каботажом вдоль океанского берега, мгновенно нейтрализовали минус «бандитских гор», поскольку теперь их от «цивилизованной зоны» Евросоюза отделяет всего-то суточный переход морем, а водный транспорт в любом раскладе много дешевле сухопутного. Бразильянам выход к океану в отдаленном будущем обеспечит серьезное стратегическое преимущество, но прямо сейчас ничего не дает, ибо это Западный океан, на его берегах пока единственным представителем цивилизации са-

ма Бразилия и выступает. Ну да, благодаря океану имеется рыболовный промысел и все сопутствующее, но продовольственная-то проблема в Новой Земле ни разу не актуальна, два-три охотника или там рыбака могут прокормить поселок в сотню душ... Повезло бразильскому анклаву в другом: на юге от них волею новоземельной политической географии осели русские гринго¹², вернее, ПРА. Бандам-то все равно, кого стричь, бразильян или русских, однако именно в юго-западных отрогах все тех же Скалистых гор расположен стратегический ресурс русского анклава, найденные Демидом со товарищи золотые руды. И стратегический ресурс этот жестко стерегла от любых находников сперва демидовская братва, а потом – создаваемая с нуля Русская Армия. Которой, чтобы стать армией, а не толпой вооруженных рыл, нужно было на ком-то попрактиковаться, прежде чем громко заявлять о себе, и как раз для боевой практики зубастые, но рыхлые шайки Скалистых гор подошли замечательно.

– Вот и вышло, – подводит итог Борис, – что наши армейцы, расчищая от всякой швали собственные границы, заодно и соседям помогли. Бразилия теперь входит в общую «зону цивилизации», поскольку перевал Кабрала¹³, по которо-

¹² Gringo – изначально в испанском просто «иностранец», а в Латинской Америке века этак с XIX – обозначение «белых людей». Сперва скорее в киплинговском смысле данного термина.

¹³ Педру Альвареш Кабрал (1467/1468-1520) – португальский мореплаватель, после успешного возвращения экспедиции Васко да Гама из Индии был отправлен туда же «вторым рейсом», взял несколько западнее и по дороге открыл Бра-

му Северная дорога идет к ним, взят под полный контроль нашими и бразильскими частями, а егеря гоняют бандитов севернее.

– И это уже считается не внутренним вопросом протектората, а внешней политикой, – вставляет Крук, – для егерей оно, как для конвойных проводчиков, выходит работой по контракту.

– А чем бразильяне платят, не в курсе? – задает вопрос Дима.

– Как-то рассчитываются, – пожимает плечами Борис, – торгуем-то мы с ними вовсю, уголь тот же по Амазонке целыми караванами спускают много лет как, на дровах металлургический не очень запустишь...

И снова разговор возвращается к географической планировке, теперь в приложении к Латинскому Союзу.

– «Горные хребты Сьерра-Гранде и Сьерра-Невада с северной стороны переходят в лесистое плоскогорье Льяно-Боске¹⁴, на котором расположены независимые территории, образующие Латинский Союз», – пародируя не то Сенкевича¹⁵, не то Дроздова¹⁶, зачитывает Борис кусок из затрепанного орденового путеводителя. Первый источник инфор-

зилию.

¹⁴ Llano Bosque – *исп.* «Лесистые равнины».

¹⁵ Ю.А. Сенкевич (1937-2003) – советский ученый-медик, широкой публике более известен как телеведущий передачи «Клуб путешественников».

¹⁶ Н.Н. Дроздов (р. 1937) – советский ученый-зоолог, широкой публике более известен как телеведущий передачи «В мире животных».

мации для только-только прошедших «ворота» мигрантов из Старого Света всем нам прекрасно известен, качество изложенной там информации – тоже.

– Союз нерушимый анклавов латинских... – фальшиво исполняет Дима.

– ...Заботливый Орден подальше послал, – добавляет Сара под общий смех.

– «Уф пофлала, так пофлала», – пародирую я, вызвав новый взрыв хохота. Ярик, благополучно задремавший у меня на руках под лекцию Бориса, недовольно ворочается; перекидываю ребенка обратно в коляску и задергиваю марлевый полог, спи, радость ты наша.

В смысле географии путеводитель не врет, условно-независимые латиноамериканские гособразованья числом под два десятка рассыпаны по этому самому плоскогорью Льяно-Боске; на западном краю, у самого подножья Скалистых гор – Боливия, а на восточном – Аргентина. Ровно напротив Аргентины расположен Угол, так именуют краешек тexasской территории между горами Сьерра-Невада и Меридианным хребтом. Вершина Угла представляет собой единственный разрыв в горной цепи Сьерра-Невада, а значит, является единственным настоящим проходом в Латинский Союз с южного направления. Собственно, «Проходом» его и называют.

На той же орденской карте отмечено, что на востоке Латинский Союз граничит с Китаем, однако фактически меж-

ду аргентинскими и китайскими поселениями лежат сотни верст девственного леса – неосвоенного, ничейного и незамятого. Там и карты толковой нет, пунктиром намечен тот самый лес и обозначено «данные подлежат уточнению» – что в орденском путеводителе, что в популярной местной картографической софтине «NewWorldViewer»... Для опытного землепроходца или хорошо подготовленной экспедиции условный маршрут «Китай – Аргентина» технически преодолим, все ж таки на дворе уже двадцать первый век, а не шестнадцатый с героическими конкистадорскими фиаско Орельяны¹⁷ и Сото¹⁸; но экспедицию такую сейчас снаряжать особо некому, а главное, незачем.

«Белое пятно» на региональной карте – вполне обычная ситуация для «переднего края цивилизации», сиречь фронта. В процессе освоения карту и дополняют; а китайцы займутся этим делом, аргентинцы или представители еще какого-нибудь народа, столь гордого и независимого, что прописываться в обжитых краях «под крылом у аборигенов» новопоселенцы не захотят и заявят, мол, будем строить с нуля собственную державу – не суть важно. По крайней мере мне.

¹⁷ Франсиско де Орельяна (1508/1511-1546) – испанский конкистадор, соратник Франсиско Писарро, в поисках Эльдорадо первым из гринго прочесал всю Амазонку из конца в конец, там же и погиб.

¹⁸ Эрнандо де Сото (1498-1542) – испанский конкистадор, соратник Франсиско Писарро, начальник первой экспедиции из Мексики на север, т. е. на территорию современных Штатов; первым из гринго пересек Миссисипи, на ее берегах и погиб.

Полагаю, китайцы с аргентинцами тоже возражать не станут, если между ними вдруг кто-нибудь вклинится, все одно свободных территорий в Новой Земле пока еще на порядок больше, чем людей, готовых эти территории осваивать...

Короче говоря, цивилизованные края Латинского Союза, где-то как-то отображающие соответствующие державы Старой Земли, расположены на плоскогорье Льяно-Боске, а вот сами горы – Скалистые, Сьерра-Гранде и Сьерра-Невада – как и те китайско-аргентинские леса, на сегодняшний день считаются «ничейными». И в полном соответствии с принципом «свято место пусто не бывает», служат сии ничейные горы приютом личностям, для которых ничего святого нет. Тем самым, из-за которых Угол имеет в Техасе и других краях южнее Сьерр печальную славу бандитского предполья. Печальную, но – справедливую, ведь бандитос, не лишённые стратегического мышления, с самого начала контролируют Проход, поэтому любая погоня за дорожными налетчиками к югу от гор вынужденно обрывается в районе Угла, дальше преследователям ходу нет. Устроились, говорят, капитально, цельный укрепрайон отгрохали, по «оперативным данным» ребят полковника Лошкарева и прочих штирлицев с шараповыми, в наличии несколько пулеметных точек с перекрестными секторами огня, «зушки» и «эрликоны» с «испано-сюизами» для контроля подступов от вражеской брони, от нее же непосредственно на дороге прикопаны фугасы, и вроде бы в хозяйстве даже ПЗРК имеются, на случай вьетна-

мо-афганского вертолетного десанта. Вот насчет ПТУРС и прочих высокоточных ракет «земля-земля» – весьма сомнительно, однако таких сухопутных линкоров, которые сумели бы в лоб преодолеть прочие преграды, в Новой Земле все равно не водится...

Вот и выходит, что с географией новоземельным латиносам повезло меньше всех: обе Сьерры плотно заселены бандитами, выхода к морю и перспективы дешевого транспорта даже в далеком будущем – не наблюдается, а единственный маршрут «в обход бандитских гор» предполагает дорогу сквозь условно китайские, а по факту девственные и ничейные леса на востоке. Инженерные работы такого масштаба покуда не осилить ни аргентинцам, ни всему Латинскому Союзу вместе, даже если скооперируются с китайцами, которым сей маршрут на сегодняшний день не так чтобы нужен. Отсюда вывод – спики, хочешь не хочешь, вынуждены платить бандитос «за реставрацию Провала», в смысле за право пользования Проходом, ведь без ведома обитателей западного Кама и восточной Сьерра-Невады ни одной транспортной колонне ходу там нет...

– В этом раскладе любому сознательному мигранту стоило бы упираться руками и ногами, только бы НЕ ехать в Латинский Союз, – замечает Соня. – Будь ты хоть десять раз патриотом, какой смысл ложиться под заведомо бандитскую крышу?

– Так сама же сказала, любому сознательному... – говорит

Дима.

– Я не думаю, что они там все идиоты.

– Не идиоты, – кивает Сара. – Только особых вариантов у них нет.

И она права.

Мигранты-спики, а их на базе «Латинская Америка» мы видели тысячами, народ небогатый и орденами принимается в девяноста семи случаях из ста по программе Б – тысяча экю подъемных в зубы, и скатертью дорога. Если исключить небольшой процент «новых мексиканских», или там «перуанских», без разницы, пальчатые братки везде одинаковы, поправка на местный колорит простирается не дальше фасона прически и статусных татуировок, – у переселенцев из латиноамериканского сегмента Старого Света выбор в смысле этой дороги невеликий. О, любая здешняя территория охотно примет новых обитателей и потенциальных граждан, избытка рабочих рук не наблюдается, а незанятых земель хоть отбавляй. Но во-первых, для общения с хозяевами-согражданами надо хоть как-то владеть языком, и если в испанских краях это несущественно, то во всех прочих... сложно. Язык, он ведь подразумевает определенный кругозор, образование, массараکش, а таковое за ленточкой сумели получить очень немногие латиносы. У моего приятеля Руи-са, к примеру, в семье таких было аж трое – помимо него самого, условную «семилетку» окончили отец и покойный старший брат, и это при том, что семья не из простонародья,

потомки галисийских идалго с родовой асиендой Тула где-то в южной части Мексики... Расклад даже хуже, чем у «наших» старой закалки, владеющих двумя языками – русским матерным и русским техническим со словарем; у мигрантов из Союза есть в активе хотя бы советская школа, а зачастую техникум-вуз, и какая-никакая профессия в руках, другие в Новую Землю переселяются редко. Среди спиков же большую часть составляют малограмотные пейзажи, со всеми вытекающими.

Впрочем, язык – не главное, порукой тому тонны тех же самых спиков, легально и не слишком работающие в заленточных Штатах, за пару недель они прекрасно осваивают сотню-две аглицких словей, не особенно заботясь о стройности грамматических конструкций и изяществе стиля, объясниться по делу могут – и ладно. Занеси их судьба не в Штаты, а к немцам, французам, русским, китайцам или финнам, было бы ровно то же самое, обычная картина «нетитульной нации в цивилизованном окружении», тут, массаракиш, со времен Древнего Египта ничего не переменялось... Основная трудность у выходцев из старосветской Латинской Америки в другом. В заленточных Штатах местные гринго, причем даже представители классической «белой швали»¹⁹, относят-

¹⁹ White trash (англ. «белая шваль», «белая голь», «белое отребье») – так в Южных штатах в 1820-е гг. именовали домашние рабы-негры «белых» батраков и схожих представителей люмпеновских низов, подчеркивая свое превосходство в социальном статусе. Термин быстро вошел в обиход и среди господского класса, и употребляется примерно в том же значении по сей день.

ся к латиноамериканцам этак покровительственно-свысока, мол, жулье, но ведь простаки и недотепы, куда им да против нас... А вот новоземельные американцы и европейцы полагают всех спиков скопом – спасибо Углу – если не бандитами, то ближайшими пособниками таковых, а потому не слишком склонны разбавлять переселенцами из стран Южной и Центральной Америки демографическую палитру своих краев...

Таким вот образом и получается, что у мигрантов-латиноамериканцев самая широкая и простая дорога, где не требуется лишних телодвижений – в Латинский Союз.

Слава разводит руками:

– И за что Орден так не любит спиков? Ведь с самого начала расклад прогнозировался, но анклав им выделили именно там. Пока бандитос в горах и держат Проход, перспектив на развитие нет.

– Доберутся до этих горцев, рано или поздно, – предсказывает Крук. – В Техасе и Конфедерации вояки хорошие, создадут у себя горнострелковые части вроде наших егерей и начнут зачистку...

– А чего ж до сих пор не начали? – сомневается Соня. – Им-то как раз прямой резон, они для банд первая цель.

Белич усмехается.

– На карту повнимательнее глянь. В северной Конфедерации серьезных поселений вообще нет, только пара заправок, да еще Форт-Доусон – но он много ближе к Скалистым го-

рам, у поворота Северной дороги на перевал Кабрала. А в северном Техасе целых два города, Аламо и Нью-Рино, причем у синдиката «пяти семейств» с бандами всей Новой Земли, как ты понимаешь, свои отношения... Лихим наскоком даже с тяжелым оружием бандитов в логове не взять, остается, как когда-то на Диком Западе, держать наготове отряды «федеральной конницы» и перехватывать особо наглых налетчиков в степи. Будет на севере побольше поселений, которым бандитос-горцы действительно станут грозить – тогда и займутся. Сейчас еще некому.

Серб-ветеран прав.

Но и Слава высказал не самую глупую мысль: расклад с Латинским Союзом и бандитос Орденом запланирован изначально. Вернее, запланирован-то был, как Борис и излагал, одинаковый расклад на Китай, Латинский Союз и Бразилию, но только с латиносами сработало полностью. Вынужденно загнав под бандитскую «крышу» очень и очень солидный человеческий ресурс...

«Орден, он разный» – говорил умудренный жизнью и годами службы в этой организации Артур Геррик. У меня опыта во всех смыслах куда меньше, но я полностью разделяю мнение коменданта²⁰ портофранковской полиции. Имеются

²⁰ *Комендант* (англ. *commandant*, от *comandante* – исп. «командир») – обер-офицерский чин в натовских армиях, эквивалентен отечественному майору-подполковнику. В англо-американской традиции звание относится исключительно к «гарнизонно-учебной» службе, но в Испании (а также в Ирландии, Франции, Южной Африке и ряде латиноамериканских стран) его носят вполне боевые офи-

в Ордене то ли течения, то ли ведомства... в общем, структуры и управляющие таковыми личности, которые время от времени «подбрасывают» в Новую Землю не просто мигрантов, но группы мигрантов асоциальных. Проще говоря, всяких экзотов непосредственно из мест отсидки. Статьями не интересовался, да и не знаю я наизусть соответствующие уголовные кодексы, однако момент такой я наблюдал, и с одной из этих «подброшенных» компаний имел... столкновение, массараکش. А потом и в допросе пленных участвовал, переводчиком. Откуда, собственно, и информация.

Случай не единичный, Геррик потом подтвердил, и не он один. То и дело таких вот «сидельцев» прямо на автозаке доставляют к орденским «воротам»; накачав снотворным, дабы не делали лишних телодвижений, пропихивают в Новую Землю; на соответствующей Базе оформляют мигрантами категории Б и сдают на руки здешним встречающим. Последние формально перед законом чисты, иначе их на приемную базу и не пропустили бы, но почему-то все эти экзэки, впоследствии попав в поле зрения орденского Патруля или иного ведомства по охране правопорядка, оказываются то ли работниками ножа и топора, то ли «торпедами» при очередном боссе теневого бизнеса... Короче говоря, имеет место целевая миграция народа из заленточных уголовных структур в местные, и Орден, благочестиво твердя «каждый имеет право на второй шанс», этот процесс то ли курирует,

то ли просто направляет.

Зачем – вопрос интересный, на эту конкретную тему мы с Герриком не очень беседовали. Для чего, вычислить нетрудно: без притока свежей крови всех живущих по ту сторону закона в Новой Земле просто выбили бы, и довольно скоро. Как на дикозападном фронтире выбили почти всех знаменитых бандитов, причем позаботились-то о них, ан масс, не эскадроны помянутой Круком «федеральной конницы», и даже не выборные героические шерифы, а попросту фермерское ополчение «с дубьем и ружжом», верша закон и порядок сообразно заветам капитана Вильяма Линча. Очень даже возможно, что в процессе пострадали и невиновные, однако именно бандитов в тех краях извели довольно-таки оперативно. А потом под кукурузную самогонку понапридумывали красочных баек о великих ганфайтерах²¹, героях и злодеях Дикого Запада. Из каковых баек под чутким руководством прессы вскорости вырос отдельный жанр «десятицентовиков»²² и комиксов, да так основательно вырос, что у про-

²¹ Gunfighter – *англ.* «стрелок», растиражированный вестернами дикозападный вариант бретеров-дуэлянтов, зарабатывающий на жизнь винчестером и шестизарядником по ту или иную сторону закона. В действительности за весь период, к которому применимо название Дикого Запада, таких людей было от силы дюжины две-три.

²² «Dime novels» (*англ.* «десятицентовые романы») – американское нарицательное наименование «дешевого чтения», происходит от запущенной в 1860 г. серии недорогих книжек «Beadle's Dime Novels» – так скромные издатели бульварного чтения, Э. и И. Бидль, попытались увековечить себя в глазах публики. В некотором роде сработало, ибо подражаний серия тут же наплодила целую кучу, вскоре

тотипов ганфайтерских сюжетов срывало крышу вместе со стетсоном, когда они читали или, по неграмотности, слушали в пересказе приятелей истории о собственных похождениях. Киношники, воспевая справедливость Великого Уравнителя²³ и романтику «винчестера», просто продолжили намеченный еще до них маршрут, конкретно здесь никому никакой Америки не открыв...

Новоземельный фронт от дикозападного отличается разве что бОльшей тяжеловооруженностью народа, ибо средний новоземельный фермер имеет в хозяйстве пулемет, а дробовику предпочитает автомат или дальнобойную винтовку. Само собой, автоматы здесь и у бандитов имеются; вот только чем выше плотность ответного огня, тем выше шанс нарваться на пулю даже у опытного стрелка. В долгосрочной перспективе теория вероятности получается не на стороне банд. Так что здешних романтиков с большой дороги закатали бы под суглинок еще быстрее и основательнее... если бы, массараکش, не постоянная подпитка человеческим ресурсом.

Вот и выходит, что бразильско-китайско-латинский кон-

перехлестнув и за океан – в Британии с 1866 г. начал выходить полный ее аналог, именуемый «penny dreadful» (*англ.* «однопенсовая жуть»), с тогдашним курсом фунта-доллара примерно так и выходило...

²³ Great Equalizer – *англ.* «Великий Уравнитель», еще одно прозвище «кольта-миротворца». Происходит от афоризма времен американской гражданской: «Господь сотворил людей сильными и слабыми, но полковник Кольт уравнил их шансы».

тингент, можно сказать, запрограммирован орденоскими «социальными стратегами» на то, чтобы стать этим ресурсом уже без заленточных автозаксов, которые изрядно мозолят глаза сотрудникам самого Ордена из числа не посвященных в тонкости демографической политики их начальства по бандитскому сословию. Дальнейший процесс, мол, идет сам, можно не вмешиваться, и Орден остается традиционно белопушистым. С Бразилией и Китаем не сработало, а у Латинского Союза на сегодняшний момент просто нет иного выбора.

Формально латиносы мирно живут на Льяно-Боске, а бандиты просто сидят в горах южнее. Реально же – те обитатели Латинского Союза, которые хотят в жизни чего-то добиться, вынуждены либо идти к бандитам на поклон, либо пополнять их ряды. Вариант «объявить им всем войну и сшить вигвам из трофейных скальпов» годен только для Голливуда, в реальной жизни никакому герою-одиночке систему не поломать, а бандитос при всей своей видимой вольнице – это таки система, и с достаточно разветвленными связями. Причем связи у них, рупь за сто, существуют и с Латинским Союзом, но вот с кем конкретно и за что именно – об этом помалкивают и орденоский путеводитель, и куда более подробный и правдивый «Новый мир».

Так что в этом раскладе более-менее понятно, чего добивается Орден своей бандитской демографией – сохранения статус-кво Новой Земли как «жестоккого фронта»; но вот

ЗАЧЕМ оно ему, даже если спрашивать не об Ордене в целом, а об отдельных структурах в составе, – честно говоря, не вижу ни малейшего смысла...

Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Среда, 32/02/22 16:19

В гости Крук, как и договаривались, приходит к обеду, в начале второго. Вручает Саре букетик красно-розовых гвоздик и жестяную коробку шоколада «Roches Noires». К чаю, мол.

– Местное производство? – удивляется любимая, рассматривая подарок. С французским у нее примерно как у меня, то есть очень не, но на этикетке сверху слева крошечный синий прямоугольник с кружком из звезд – знак ЕС; сверху справа такой же крошечный красный, с тулузским крестом и звездой²⁴ – флажок Окситании; а внизу дата изготовления в новоземельном формате.

– Ага, оно самое, – подтверждает серб. – Вот, тут указано, «Cite de Carcassonne», сколько помню, это где-то за Тулузой, у отрогов Меридианного хребта. Врать не буду, сам такой шоколад не пробовал, но сестра хвалит. Иванка у ме-

²⁴ На красном фоне золотой узорчатый (тулузский, окситанский) крест, сопровождаемый сверху справа семиконечной золотой звездой. Исторически крест и цвет флага взяты из герба графов Тулузских, а семиконечная звезда – символ Семи провинций, как именовался в позднеримской империи диоцез Южная Галлия.

ня с детства сладкоежка, вроде как разбирается. Утверждает, эти «Черные скалы» не хуже швейцарского «Линдта»; если вам это что-то говорит, отлично, потому как мне не очень.

На что я комментирую:

– О еде не надо разговаривать, ее надо есть.

И забираю шоколад на кухню, пока супруга устраивает гостю небольшую экскурсию по квартире.

– Вот здесь у нас Египетские покои, – доносится ее голос, интонации потомственной посетительницы Эрмитажа опознаются за километр, – в них библиотека, рабочий кабинет и просто комната отдыха. Из окна видно только старую листовницу, сейчас темновато, зато в сухой сезон прекрасная защита от солнца...

«Имена» комнатам придумывала Сара. Ага, привет дамским романам о красивой жизни всякой высокой аристократии. Конечно, обстановку из тех романов в наших апартаментах никто и не пытался повторить, просто взяли обои с разным рисунком, ну и мебель подбирали по возможности «чтобы соответствовало». Кабинет-библиотеку «оформлял» как раз я, от Египта там – только песочный колер обоев с красно-коричневой полосой геометрического орнамента под потолком, каковой орнамент, если искоса приглядеться, вроде как смахивает на стилизованную троицу Великих пирамид. Приглядываться надо скорее всего после тринадцатой рюмки, причем не вишневки... Но раз моей любимой хочется, чтобы там был Египет, нет проблем, пусть будет. Можно

даже на дверях повесить крупномасштабную карту Синайского полуострова, для полного соответствия.

Шоколадную жестянку убираю в буфет, возвращаюсь с кухни, приоткрываю дверь спальни, проверяю-прислушиваюсь. Нормально, Ярик спит, в стиле «вы себе там болтайте, а я пока отдохну».

Сара продолжает:

– А это Голубая гостиная. Обстановки, сам видишь, немного, тут у нас запланировано оборудовать детскую. Это, разумеется, не прямо сейчас; к концу года займемся, или в начале следующего сухого сезона – посмотрим, насколько самостоятельным будет расти человек.

– А здесь, – указываю я на спальню, – Дубовые покои, где этот самый человек сейчас и дрыхнет. Но вы вроде уже вчера познакомились; если захочешь оценить обстановку – после заглянешь, как проснется. Родная, мы обедать где сегодня будем, на кухне или как?

– Драган? – вопросительно поворачивается Сара к гостю.

– На кухне, конечно, чего мудрить, – отвечает Крук. – Там вроде и от спальни подальше, чтоб дитенка поменьше тревожить... погодите, совсем забыл. У меня ж и для него подарок припасен. Понимаю, что сильно на вырост, но уж что нашлось...

Добывает из сумки сверток, разворачивает и выкладывает на столик фигурки оловянных солдатиков. Сара, рассмеявшись, заявляет:

– Ну, пока ребенок до них дорастет, играть будет его папа.

Папа в детстве подобное действительно любил – покажите мне пацана, который подобным НЕ увлекается! – однако сейчас мой интерес к фигуркам начинается и заканчивается на «опознать, кого они изображают». Задача не из сложных, даже с учетом погрешности изготовителя. Пять фигурок, каждая «ростом» сантиметра четыре: снайпер, пулеметчик, два бойца прикрытия и командир-гранатометчик; почему командир? потому что только у него на груди обозначен бинокль. У лежащего стрелка винтовка с длинной трубкой оптики, долженствующая изображать «спрингфилд» в снайперской комплектации «эй-один»; у пулеметчика условный «бар» на ремне прикладом к бедру; у устремленного в рукопашную бойца прикрытия вполне себе штатный «гаранд» с длинным клинковым штыком, у второго, стоящего на колене, вскинутый к плечу карабин «эм-один» с секторным тридцатизарядным магазином – возможно даже, не стандартный карабин, а «штурмовая» версия «эм-два», которая умеет бить очередями, аки автомат; а у замершего посреди броска гранатометчика в левой руке «кольт», а в правой ребристое яйцо «лимонки», вернее, «ананаски», как именовали янкесы свой аналог нашей «феньки», какие-то отличия у них, может, и имеются, но я их не. В общем, сия оловянная группа представляет собой штурмовое отделение доблестной штатовской морской пехоты времен Второй мировой или, воз-

можно, корейской.

Озвучиваю данный вывод Круку, но серб только пожимает плечами.

– Я из этих стволов в руках едва половину держал, тебе виднее.

Хм. А я сколько? Если так прикинуть, тоже половину, и наверное, ту же самую – «гаранд», карабин, ну и «кольт», разумеется.

Тут мое сокровище зовет на кухню:

– Эй, оружейники, кушать!

Разнообразие блюд не наблюдается: гороховый суп с копченостями, кабачковые блинчики и порезанное на ломтики кольцо молочной колбасы из гастрономчика на углу. Мало? Извините, не шестизвездочный ресторан. Зато вкусно. Сара, изображая во взгляде вековую скорбь избранного народа, вздыхает, мол, она у плиты так, просто кое в чем поднатаскалась, а вот бабушка ее – та действительно по кулинарной части мастерицей была... Хором заверяем, что кухарские таланты бабушки мы ни в коем разе не оспариваем, однако здесь и сейчас трудилась внучка, и результат этих трудов безусловно заслуживает наивысшей оценки. Предъявляю в порядке доказательства начисто вылизанную тарелку.

В заварничке уже настаивается чай, вернее, кипрей – настоящий чай в Новой Земле пока никто еще не вырастил, импорт дорогой, пользуемся травяными заменителями. Ни-

чего, вполне недурственно, да и предки сколько лет чем-то подобным «чаевничали», китайский-то чай на Русь начали массово ввозить не то при Годунове, не то вовсе при Алексее Михайловиче... Крук, однако, вместо чая просит кофе – вот его в новом мире навалом, недорого, и говорят, очень высокого качества. По мне, отравы отравой, но раз человек хочет, почему нет. Сара тоже иногда употребляет кофеек, в буфете есть и зерна, и уже смолотый порошок; по науке, может, хранить такой и не полагается, мол, правильный – только «свежесмолотый», однако бесшумной кофемолки пока не изобрели, а трещать агрегатом на всю квартиру при спящем ребенке не есть рационально. Так что заварим гостю утренний порошок, полагаю, не обидится. Загружаю джезву и становлюсь к плите; любимая тем временем выставляет «десертные» чашки-блюда, а мобилизованный ей в помощь серб сгружает грязную посуду в раковину.

К чаю у нас по программе окситанский шоколад, этот самый «Рош Нуар», а еще утренний батон из все того же гастрономчика, с вареньем. Варенье малиновое, из Белого Яра от тетушки Аллы – родной тетей она, собственно, приходится Соне, с нами ее родственные связи заметно сложнее, но это долгая история. Мы зовем именно так, да и отношение схожее. Одна большая мишпуха, и точка, массараکش.

Круку больше нравится хлеб с вареньем, а я отгружаю в рот кусочек черного шоколада. Терпкий, чуть вяжущий; правильный, никаких тебе добавок и наполнителей. Черные

скалы, значит? кстати, забавно, а почему вообще название на французском, ежели производитель обретается в «стране Ок»²⁵? Или по-окситански «черные скалы» будет так же, как и по-французски²⁶? Задаю сей лингвистический вопрос вслух, однако и Сара, и Белич лишь плечами пожимают. А пес их знает, этих лягушатников...

Первую чашку мы допить не успеваем – из спальни доносится писк «все, я проснулся, вытаскивайте из люльки и общайтесь, я готов познавать мир дальше». Минут через десять всестороннего познания Ярик легким движением опрокидывает кружку с кофе – хорошо, успел остыть – и тут же влезает в коричневую жижу по уши. Доволен, слов нет. Сара забирает у меня детеныша и удаляется в ванную, а мы пока перебираемся в коридор.

– А теперь моя очередь экскурсоводом работать, – усмехаюсь я, сдвигаю створку шкафа и достаю с полки первый оружейный баул, мышасто-серый и заметно потертый. – Итак, показ личной огнестрельной коллекции начинаем с пулеметов. Ручник «мадсен» образца тысяча девятьсот третье-

²⁵ «Да» на южнофранцузских (окситанских) диалектах звучит как «ок», а на северофранцузских – как «уи». Соответственно две эти подгруппы именуются «langue d'oc» и «langue d'oui». Нынешний французский язык развился из северной подгруппы, причем века до XVIII–XIX граница на «языковой карте» была видна невооруженным взглядом; пересекая ее, путешественник, знающий литературный французский «уи», вынужден был объясняться с аборигенами, владеющими исключительно родным французским языком «ок», буквально на пальцах.

²⁶ Нет. На окситанском «Rocas Negras».

го дробь, кажется, пятидесятого года, исходная версия была то ли под спрингфилдовский патрон, то ли под один из маузеровских, но потом ее переделали под триста восьмой калибр для бразильской полиции, заодно чуть укоротили ствол. Увидел, понимаешь, в орденом арсенале и не смог пройти мимо... Несмотря на солидный возраст, замечу, агрегат сей еще живой и даже рабочий.

Запустить лапы в антикварное железо Крук не торопится, но поглядывает с интересом.

– Следующий раздел, – убираю «мадсен» обратно в шкаф и достаю три сумки поновее, – автоматы и автоматические винтовки. – Расстегиваю первую, темно-оливкового колеру. – Бельгийская автоматическая винтовка «эф-эн фал» модель пятьдесят-шестьдесят три, десантная, выпущена в шестьдесят девятом году. Не новая стрелялка, как видишь, но вполне приличная. Взял трофеем по дороге с Базы в Порто-Франко, считай, на третий день пребывания в статусе мигранта, с тех пор и пользуюсь. – Передаю «фал» Беличу, серб отщелкивает складной приклад в боевое положение, примеряется, качает головой и возвращает винтовку мне. Что ж, может, ему и тяжеловата, а мне в самый раз. Убираю бельгийца в баул, вскрываю другой, темно-зеленый. – Здесь мы имеем довольно-таки редкий ствол – немецкий «штурмгеввер» образца сорок четвертого года. Первый в мире массовый автомат, однако...

Крук удивленно вертит его в руках.

– Надо же. У нас за ленточкой они иногда попадались, даже стрелял разок, но твой же совершенно нулевой. Откуда в таком состоянии?

– Подарок одного хорошего человека, – честно отвечаю я, – подробности долго объяснять. А вот откуда взял его он – без понятия. Увижу, спрошу.

«Хороший человек» – это комиссар Рамирес, к которому мы по плану как раз завтра и выезжаем, так что увидеть и спросить вполне реально. Убираю «штурмгеве́р» в баул, заодно продемонстрировав пластиковую укупорку боеприпасов «семь-девятьюсто два курц». Как подарили, так я из него и не стрелял еще. И не собираюсь пока, для этого хватает других стволов, не столь раритетных.

Открываю третий баул, песчаного колера штатной повседневки всех орденских служащих.

– Ну, такие машинки тебе наверняка знакомы. – Наружу появляются два стандартных янкесовских автомата, длинная «эм-шестнадцать-а-два» и, чуть покороче, «эм-четыре». – Стволы почти свежие, хоть сразу в дело. – Там же в сумке дюжина полупрозрачных пластиковых рожков и несколько коробок натовской «пятерки».

Серб сдвигает затворную крышку «эм-четыре», одобрительно кивает – да, содержится в чистоте и порядке – и закрывает обратно.

– Ничего стрелялки. Воевать я бы, правда, предпочел с чем-то более выносливым.

Пожимаю плечами.

– Из этих я работал, и даже в бою – но, пожалуй, «войной» назвать ту историю трудно... Да, я тебя не слишком грузжу?

Усмешка.

– В прошлой жизни был у меня друг, марки собирал. Вот он – грузил, тебе до него как куцему до зайца. Так что валяй дальше.

– Гут, тогда продолжаю... – Убираю сумку с американскими автоматами обратно в шкаф, достаю из специальных отделений у входной двери наши с Сарой «калаши». – Ну а это, собственно, наше вроде как служебное оружие от щедрот протектората, плюс у Соколовых провели легкий тюнинг.

Увидев на АКМе такой же приклад, как на «фале», Крук лишь хмыкает, ага, сразу видно, чей; а вот на «семьдесят четвертый» удивленно скидывает бровь:

– Откуда это у нас на складах «тантал» взялся?

– Говорю же, тюнинг Соколовых. Было стандартное «весло», поменяли приклад, как у немецкого. Поляки, когда свой автомат делали, брали за образец его же.

Отправляю «калаши» на место и берусь за следующие сумки. Вот наша «уставная», в желто-зеленых камуфляжных пятнах.

– Идем дальше. Винтовки самозарядные и магазинные. – Расстегиваю молнию баула. – Американский карабин «эм-один», произведен компанией «Ай-Би-Эм»²⁷ в сорок тре-

²⁷ Это сейчас корпорация IBM имеет сугубо компьютерное направление, а в пе-

тъем году, немного повоевал, прошел полный ремонт и далее лет пятьдесят лежал на складах резерва, пока не попал в орденские арсеналы, там я его жене в подарок и выкупил. Сперва-то Сара отнекивалась, но со временем машинку оценила и на стрельбище чаще появляется с ней, чем с автоматом...

– Добрая машинка, согласен, – отзывается Крук, – единственный минус – все ж таки слабоват у нее патрончик. Вот был бы карабин под «семерку», как СКС...

– Ну, если бы у бабушки было сам знаешь что, она была бы дедушкой, – отвечаю я и достаю из баула следующий агрегат. – «Винчестер» ковбойский, а вернее, его клон из староземельной Бразилии, «росси-девяносто два». – Аккуратный граненый ствол, рабочая потертость ложи светлого ореха, у основания подствольного магазина выгравировано «.357 MAGNUM». – Вместо триста пятьдесят седьмого калибра я обычно тридцать восьмой пользую, на сто метров все равно, а дальше из него так и так не шибко. Соколов, сволочь такая, сунул мне этот карабин прямо в руки, мол, посмотри какую цацку принесли на комиссию, а я и выпустить не могу, пришлось купить...

Белич смеется.

– Бывает. Ничего, взял оружие по нормальной цене – считай, сделал долгосрочную инвестицию; железо спокойно се-

бе лежит и кушать не просит, а если вдруг потребуется, его всегда можно продать.

– Да я, массаракш, жене примерно так и сказал. А она смеется и обзывает оружейным маньяком... – Закрываю «полигонный» баул и достаю еще один. – Ну, а тут снова коллекционные раритеты. Этот вот по случаю достался, – карабин из тех, что когда-то именовали «кавалерийскими», – китайский «ханьянь-восемьдесят восемь», клон старой немецкой винтовки, когда выпущен – тут, может, и обозначено, только я в иероглифах ни хрена не разбираюсь. Видно, что пострелял агрегат изрядно, а здесь или за ленточкой, кто ж его знает...

Серб задумчиво рассматривает выпирающий неотъемный магазин.

– Так это исходно кто был, «маузер» или «маннлихер»?

– Если ты про оригинал, то по паспорту назывался он «комиссионная винтовка образца тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года». Сборная конструкция, у Маннлихера там взяли магазин, у братьев Маузер еще что-то. Потом уже, когда кайзеровская армия перешла на маузеровские «девяносто восьмые», старые «комиссионки» переделали под обычную обойму.

– Век живи, век учись.

Крук возвращает мне карабин, а я добываю из баула последний ствол.

– И наконец, японская пехотная винтовка «арисака-тридцать восемь», год выпуска тоже хрен разберешь. Досталась в

куче общих трофеев, остальное почти все продали, а ее я себе оставил. Три месяца назад старушка еще была живая, последнюю обойму расстрелял, теперь жду пока из-за ленточки прибудет заказанная коробка. У нас в Демидовске, естественно, японскую «шестерку» можно даже не искать...

– Только у нас? – усмехается Белич. – Это тебе к «Фьокки» надо.

– Фьокки?

– Итальянская контора, которая под заказ выпускает любые боеприпасы, хоть три раза антикварные. Цена негуманная, но работают вроде качественно. Да у тебя ж вон была ихняя упаковка патронов для «штурмгевера».

– А. Я думал, они «Фиоччи» зовутся.

– Неправильно думал. Уж поверь человеку, который говорит на трех итальянских диалектах.

– Верю, верю. – Убираю винтовки в шкаф и достаю последнюю сумку, а вернее, кофр с несколькими отделениями. – Здесь имеем раздел последний, короткоствольное оружие. Мой «баллестр» ты уже видел, – хлопаю себя по кобуре, – на свадьбу подарили вместе с ЛЦУ, зеленый лазер и все дела. А до того основным стволом у меня был вот этот «кольт», – достаю из кофра, – взял трофеем там же, где и «фал», агрегат хотя и выпуска шестидесятого года, но вполне еще рабочий.

Крук кивает: знаю такие, мол. Ну, еще бы.

– У Сары рабочим стволом десятизарядный «йерихо»,

компакт, сорокового калибра.

– А не слишком? Отдача для компакта великовата.

– Я б тоже усомнился, но ей подходит. Проверяли. И в деле тоже.

– Тогда молчу, – разводит руками серб.

– Ну и ладно. Дальше у нас имеются вот такие вот раритеты: шведская «хускварна-ноль семь», выпуска тридцать шестого года, – демонстрирую сей лицензионный клон браунинговской конструкции, – по механике пистолет вроде живой, однако патронов у меня нет, «девять-лонг» хрен где найдешь.

– «Фьокки» в помощь.

– Да я уж понял. Включу в следующий заказ... Ну а такого ветерана ты, конечно же, видел, – аккуратно извлекаю из древней кобуры желтой кожи такой же древний «люгер». – Кайзеровский пехотный «пэ-ноль восемь» выпуска пятнадцатого года, но явно после нескольких ремонтов, там внутри половину деталей заменили. Случайный трофей; проверил, что стреляет, ну и оставил себе.

– И насколько точно стреляет?

Пожимаю плечами:

– А шут его знает, с чем сравнивать. Всяко точнее меня. – Пистолет вместе с кобурой отправляю на место и открываю последнее отделение кофра. – Ну а тут обитают карманнычки, раритеты не раритеты, однако модели тоже исторические. Зейдлевский «маузер ха-эс-це», в войну такой использовали

люфтваффе, но этот конкретный ствол – коммерческий выпуск семидесятого года под «девять-курц»; состояние в норме, стреляет прилично. Не покупал, честно подарили.

Обстоятельства подарка и имя дарительницы лучше опустить. Табличку «за бдительность» я на рукоятку розового дерева так заказывать и не стал, во избежание.

– Ну и последний пистолет, еще одно наследие Второй мировой – вот, «зауэр-тридцать восемь» выпуска сорок четвертого года. Не знаю уж, для вермахта или СС, тут не обозначено, и хорошо, что не обозначено, пусть оно хоть дважды трофей, а ствол со свастикой я бы в коллекции держать не стал.

– Генетическая память? – понимающе кивает Крук.

– Она самая... Вот такой вот коллекционный арсенальчик, теперь ты видел все.

На самом деле не совсем все, в личной коллекции имеют место быть еще два «экспоната» – а именно, короткоствольный револьвер «таурус-восемьдесят пять» у меня и дерринджер у Сары, оба тридцать восьмого калибра. Однако они у нас идут в скрытом ношении, «оружием последнего шанса», а о таковом по определению чем меньше народу знает, тем надежнее. Лично я своим без преувеличения спасался раза три минимум...

Еще раз провожу рукой по «пистолетному» кофру, прежде чем убрать в шкаф и его.

– И как тебе?

Серб усмехается.

– Арсенал в целом неплохой. Бывают и побольше, а у стрелков-профи так и существенно побольше. Но если говорить о нем как о коллекции, тут есть другие странности.

– То есть?

– Коллекция, говорю, странная. Сплошная Европа да Америка, а русского оружия – только то, что тебе выдали в протекторате.

– Твоя правда, – вынужден признать я. – Просто сам посуди: «калаши» есть, ПКМ не для города, «горюнов» с «максимом» тем более; «мосинку» и «макара» не люблю, «драгуновка» не по моим умениям, а «светка» имеется у деда Яра, висит над камином на почетном месте и когда-нибудь все равно перейдет ко мне. Надеюсь, это «когда-нибудь» будет не раньше, чем лет через двадцать.

– Да при чем тут «любовь», «город», и «умения», коллекция ведь?

– Беспольных железок держать не хочу, это оружие. Которое, случись нужда, в две минуты приводится к бою. Поэтому и стараюсь, чтоб было хоть по паре магазинов на ствол даже из раритетных.

Крук кивает.

– Ну, такое хотя бы решаемо. Но еще из русских стволов ты забыл про СКС, опять же взять заслуженные военные модели – ППШ и ППС, «дегтярь», ТТ. И всякие там специзделия, ПСМ хотя бы.

– Стариков я не забыл, просто за гроши, пусть и бэушные, не попались, а полную цену платить – жаба давит, для дела-то имеются стволы получше... Что до специзделий, пускай их пользуют те, кому положено по службе, им со склада спецбоеприпас выдают, какого и в магазинах не водится, и «Фьокки» твои не производят. Те же «девятку» или «вал» я бы, может, в коллекцию прихватил, действительно интересные образцы – но в продаже таких нет, а с трофеями как-то не повезло.

– Еще как повезло: противник, которому хватает квалификации работать с «валом» или «винторезом», скорее сам затрофеит тебя, – без тени улыбки замечает Крук. – С таким лучше не шутковать... Ладно, проехали. И что из этой своей коллекции ты собираешься взять в дорогу?

– Да как обычно, – пожимаю плечами, – «фал» и возьму. Привычнее. Опять же могу работать не на триста, как с «калашом», а на все пятьсот...

– На пятьсот – это разве что в тире.

Спорить не собираюсь: на стрельбище проще, факт, но когда приперло, я и в бою валил противников за полкилометра. Не с первого выстрела, само собой, и обычно очередями – так на снайпера никогда не претендовал.

– Опять же «калаш» надежнее, – добавляет Белич. – Даже не новый вроде твоего, снайперской точности может уже не дать, но и клина не словит. На стрельбище по барабану, а в бою сам понимаешь.

Массаракш, ох уж мне эти ревнителю несокрушимой дубовости «лучшего автомата всех времен и народов». Чес-слово, изделие Сэва и Вербье воевало в условиях не менее жестких (тех же самых, как правило, только на другой стороне), и в руках не более квалифицированных. Серьезных нареканий не имелось, за вычетом разве что случая израильтян в песках Негева, но судя по тому, что в той же самой пустыне у них теперь замечательно служат куда более капризные «эм-шестнадцать» – затыки были с газовым регулятором и смазкой. Полный дубль жалоб красноармейцев на «светку» в финскую войну, только с пылью вместо морозов...

– Кому надежнее, тот пусть с ним и бегают. А я предпочитаю бельгийца.

– Как знаешь, – закругляет серб сей бесперспективный спор. – Тебе, если что, воевать....

Мне, мне. И уже воевал. Не хочу, но коли придется – «фал» железно не подведет.

– Эй, оружейники, – доносится из Голубой гостиной голос Сары, – если в коридоре закончили, идите сюда.

– Вя-а, – согласно пищит детеныш.

Крук проходит в комнату, я останавливаюсь на пороге и люблюсь. Мои сокровища, оба два, валяются на толстом войлочном ковре пузом вниз; Ярик как раз сцапал подвинутую к нему красную погремушку и сосредоточенно медитирует на синюю, вероятно, отрабатывает на ней телекинез. Ибо рукой не может дотянуться каких-то жалких пяти сантиметров...

Территория России, протекторат Русской Армии, г. Демидовск. Четверг, 33/02/22 08:40

С конвоем в испанские земли у нас получается наклад-ка. Первые транспортные колонны из Демидовска или ППД в Евросоюз в начале сезона идут исключительно Северной дорогой, поскольку она проложена по водоразделу и на ней меньше шансов угодить в какую-нибудь невысохшую промоину, застряв на полдня. Ну а Северная дорога – это, если с русских территорий, по западному краю Конфедерации вдоль Скалистых гор в объезд Алабама-Сити на север почти до отрогов Сьерра-Гранде; там на восток по малонаселенным степям северной Конфедерации и почти таким же пустынным землям северного Техаса; краткая остановка в Аламо (можно и без нее, но даже матерые водилы-дальнобойщики обычно дают себе денек роздыха) – и потом снова на восток через Меридианный хребет в Евросоюз, по французской территории, а как закончится она, дальше уже будет самый знаменитый мегаполис восточного побережья, Порто-Франко... К испанцам от нас вообще надо бы ехать по Южной дороге, что идет вдоль берега Большого залива и проходит через главный испанский порт Виго (да-да, тот самый, где я попал в лапы инквизиции, с печальным для нее

итогом). Увы, сейчас этим маршрутом не отправляется ни одна колонна ни из Демидовска, ни из ППД. Проще всего, по-моему, было бы добраться до того же Виго вообще морем, не помню как из Берегового, а из Новой Одессы туда самоходные баржи, танкера и прочие траулеры точно ходят. К сожалению, навигация для полноразмерных судов по Большому заливу пока не открылась, у портовых служб после мокрого сезона активный ремонт всего на свете и устранение последствий от штормов. Так что – сухопутный маршрут, иначе сейчас никак.

А раз иначе никак, значит, придется ехать «с пересадкой», то есть Северной дорогой до Аламо, и уже оттуда искать попутный конвой к испанцам. Они точно есть, маршрут из Аламо к европейской части Южной дороги народом давно освоен, через техасскую столицу Вако и итальянский оперный центр Милан. В прошлой командировке, которую нехорошим словом вспоминает Сара, мы именно так и ехали, только в обратном направлении – из Милана в Вако; не одни ехали, с сопровождением, ну да не в том суть...

Нынешний мой сопровождающий, Крук, облаченный в незнакомый мне вариант «тигриного» камуфляжа и бежевую панаму, появился на конвойной площадке несколько раньше меня. Рупь за сто, проделал те же мысленные выкладки насчет маршрута, и уже договаривается с караван-баши – в данном случае им выступает старлей РА Демченко, длинный и спокойный как удав, – о двух «безлошадных» пассажирах

до Аламо. Старший лейтенант смотрит на серба, потом, с некоторыми сомнениями, на меня; кивает.

– Поедете в первом «урале». Багаж можете забросить сразу, выходим в девять ровно.

– Да у нас того багажа... – отмахивается Белич. – Влад, последняя предстартовая проверка, ничего не забыл?

Оглядываю себя: вроде все на месте. Рюкзак с дорожными шмотками и притороченным спальником, фляга с поморанцевым лимонадом, пакет пирожков на пожевать в пути. С пирожками любимая расстаралась: так-то она, мясная душа, предпочитает сочинять небольшие расстегаи с фаршем, колбасными обрезками, ветчиной, печенкой и прочим ливером (и мне остается хорошо если четверть всей выпечки), а тут организовала из пресного теста, с изюмом и цукатами; так же сытно, не портится на жаре, и в пакет высыпала все содержимое поддона. Одежда походная, куплена еще на орденской базе «Европа»: трехцветный «вюстентарн», в каком в последние годы катается на юга староземельный бундесвер – формы здешних немецких вояк не наблюдал, врать не буду. Почему полевка своя, не служебные «русские джунгли»? Тому два соображения: во-первых, камуфляж РА больше заточен под амазонскую «зеленку», чем под пампасы центральной части материка, а во-вторых, сути задания Рамирес не раскрывал, и вполне возможно, что обозначать участие протектората в его деле совершенно незачем. Так что выбрал староземельный прикид «без особых примет», надежнее. На

голове вместо штатной армейской панамы или кепи – шамах застиранно-серого колера, от дорожной пыли он, по мне, удобнее. На правом бедре «кольт» – аргентинца в последний момент решил побережь и оставил дома, все ж таки свадебный подарок; слева к ремню подцеплен подсумок с ходиболтайкой, второго «роджера» я уже передал Круку. В боковом кармане припрятана «леди таурус», в оружейном бауле ожидает своей очереди «фал», шесть снаряженных с вечера магазинов распределены по карманам разгрузки. Коробки с патронами про запас – там же в бауле. Общий вес багажа чуть поменьше десяти кило, нормально, кроссы мне что с ним, что без него не бегать.

– Порядок, – отвечаю и подтягиваюсь в тентованный кузов армейского грузовика. Ну что, не «грейхаунд»²⁸ повышенной комфортности, но куда плюхнуться – есть, и даже ноги можно вытянуть. Авось до Аламо не слишком растрясет.

Колонна выглядит несбалансированной: «буханка», два тентованных «урала», трехосный «зиллок» и две автоцистерны, все машины в желто-зеленых разводах уставного камуфляжа РА – вот только сопровождает их как-то многовато бронетехники. Три БРДМ-2А с башенными КПВТ и ПКТ, модернизированный БТР-80, снабженный в дополнение к такому же курсовому вооружению АГС на боковом кронштей-

²⁸ «Greyhound» (досл. с *англ.* «серая борзая») – американская транспортная компания, создана в 1914 г., ныне имеет «франшизу» во многих других странах. Специализируется на междугородних пассажирских автобусных перевозках.

не, и два старичка БТР-40, у которых, наверное, от оригинала только клепаный корпус и сохранился: движок урчит и пахнет свежим дизелем, колеса заменены на бескамерные от новых «бэтров», из пулемета не сразу проймешь, ну а вместо штатного СГМБ вообще поставлены «утес» и ПКТ. Видел я уже в деле такого вот «обновленного» старичка... случись ему столкнуться с броневиком на поколение-два моложе, вроде того же «бардака» – он может конечно и проиграть, но теперь вопрос решит скорее мастерство мехвода-стрелка, нежели класс самого агрегата. Поскольку против крупнокалиберного пулемета оба защиты не имеют, только от винтовочных пуль курсового – а прошьет броню «четырнадцать с половиной» или «двенадцать и семь», все равно, так и так насквозь получится...

В общем, шесть единиц бронетехники на шесть машин, причем утыканная антеннами «буханка», скорее всего, КШМ, а цистерны – наливняки для всей этой техники, ибо горючку броня жрет как не в себя. Ну и при технике с полсотни бойцов РА, и на погонах, сколько мне видно, «крылатые колеса» легкопехотных подразделений, лишь у двоих «пушечные кресты» артиллеристов. Ради трех полупустых грузовиков, и вдруг столько охраны «в силах тяжких»? Странная логистика, и на «армейский способ хозяйствования» не спишешь, сколько я работал со службами ППД, обычно они вполне вменяемые.

БТР-80 и два «бардака» в нашем камуфляже, остальная

броня окрашена в обычный защитный колер. Тоже странно. Да, конечно, на конвойной площадке дожидается своей очереди целый косяк невоенного облика машин «в попутчики», и конвой быстро обретает привычные пропорции «одна боевая машина на полдюжины прочих». В походный ордер вписали еще два десятка разнокалиберных тачек, объединенных лишь общей для автопарка Новой Земли способностью преодолеть любые буераки если не с разгона, то аккуратно на первой передаче. Конвойщики-армейцы привычно наводят порядок среди этого кагала, собирают плату за проезд и утрясают прочие вопросы.

В кузов «урала» взбирается Крук, а следом два солдата-конвойщика – совсем еще молодежь, по виду лет по тринадцать, а по староземельному счету меньше двадцати. Видимо, начальство решило не оставлять «пассажиров» наедине с ящиками, которые аккуратно сложены ближе к кабине и накрыты брезентом, видать, дюже ценный и секретный груз... Оба бойца в бронеках и легких шлемах уставной расцветки «русские джунгли», вооружены одинаковыми чернопластиковыми «сто третьими», только у одного на автомате установлен подствольник-«костер», а второй предпочел оптику на боковом креплении.

...Как раз на последних сборах, когда выдалась минутка, уточнил у приставленного ко мне «куратора»-мотострелка Гриши, верно ли, что новые автоматы вдвое лучше старых АКМ, на что тот рассмеялся, провел меня на стрельбище и

одолжил собственный «сто третий», мол, сам попробуй. Попробовал. Разница есть, мой «калаш» уже сменил нескольких владельцев и как следует пострелял, хотя до износа ему кашлять и кашлять, а у Гриши машинка почти новая. Опять же пластиковое шершавое цевье в руке лежит надежнее деревянного. Удобство прикладки оценить беспристрастно не могу, на моем-то автомате приклад заменен на привычный конкретно мне; по весу «сто третий» чуть потяжелее автомата образца пятьдесят девятого года, но конкретно с моим, за счет приклада и компенсатора, опять же вровень. В общем, «вдвое лучше» – таки, пожалуй, по ведомству рекламного вранья. Гриша расписывал еще, что настоящие плюсы проявляются в качестве обвеса, вроде как и с оптикой стало проще работать, и фонарь лучше крепится, и глушитель вместо штатного ДТК накручивается, когда надо, да и ресурс у пэбээса демидовской работы вроде повыше старого советского... Верю, только с такими наворотами я не умею обращаться вовсе...

Кратко знакомимся с бойцами, представляемся сами. «Гранатометчика», курного и веснушчатого, зовут Жорой; второй, посмуглее и, судя по разрезу глаз, с примесью в генеалогической пальме каких-то бурятов или корейцев, предпочитает именоваться по позывному, «Шелестом». Шелест родился в Новой Земле, «первое поколение аборигенов» – впрочем, от старожилов-поселенцев сии аборигены пока себя не отделяют, разве только на новичков «целых че-

тыре недели как из-за ленточки» посматривают свысока, что вполне объяснимо. У Жоры семья из-под Ставрополя, смазали коньки в «ворота» прямо перед второй чеченской. Познакомились хлопцы в учебке, которую с отличием закончили в том году и выбрали военную карьеру: хотели, само собой, стать егерями, но по кондициям в героические ряды «бэтменов» не вписались, зато для легкой пехоты, то есть автомобильных войск, вполне подошли. Перед мокрым сезоном их, как необстрелянный молодняк, включали только в состав «коротких» конвоев, не дальше Конфедерации; нынешний – первый «настоящий», трансконтинентальный, теперь надо себя проявить как следует, иначе в «постоянном составе» конвойщиков не прижиться. Массаракш, мир новый, а патерналистские традиции один в один как в армиях Старого Света, спасибо еще, дедовщины в РА нет и не предвидится.

– Хлопцы, оружие из сумки уже можно доставать, или лучше за городом? – уточняю я у попутчиков.

– Да как хочешь, в принципе, – отвечает Шелест. – Главное, с оружием до КПП не десантироваться из кузова.

Ну и ладно. «Фал» из баула, со щелчком вгоняю магазин на место, а приклад так сложенным пусть и остается, удобнее. Белич равнодушно смотрит на мои упражнения, а потом делает одно плавное движение – и АКМС серба с прикинутым магазином-«сороковкой» от РПК вроде бы сам собою оказывается у него поперек колен, приклад-упор сло-

жен, ствол в сторону кабины. Шелест и Жора со всей своей новенькой амуницией и «законченной с отличием учебкой» сразу становятся похожи на пару ухоженных домашних спаниелей по соседству с матерым волкодавом.

И не то что не сказал ничего – ни звука, даже ни одного лишнего жеста не сделал. А нам троим уже понятно: в случае чего командовать, как из этого «чего» выбирать, будет именно Крук, а мы – делать что велено, и не возникать.

Территория Конфедерации Южных Штатов, долина Большой реки, Золотой каньон. Воскресенье, 36/02/22 12:52

Старший лейтенант Демченко свое дело вполне знает, порядок в колонне соблюдается неукоснительно, инцидентов не случилось. Правда, и контингент посознательнее, чем суматошные от всего незнакомого новички-мигранты – прямо из «ворот» с коротким инструктажем да на инопланетный-иномировой фронтир; в нашем-то конвое все худо-бедно привыкли к особенностям Новой Земли, как минимум мокрый сезон народ пережил и опыта поднабрался. День Первого конвоя позади и все базы Ордена, соответственно, начали прием новопоселенцев, однако все эти базы за несколько тысяч верст от русских территорий; шесть – на восточном побережье южнее Порто-Франко, да еще одна в Порт-Дели, на южном берегу Большого Залива...

Двигается колонна не слишком быстро, в день успеваем пройти хорошо если четыреста верст по курвиметру. После стадневных хлябей дорога, мягко говоря, не фонтан. Вернее, «дорогой» она станет немного погодя, после того, как несколько десятков конвоев прочертят по новоземель-

ной почве заметную колею; прямо сейчас это просто «направление», да не как в отечественной глубинке, где хотя бы формальные признаки цивилизации иногда встречаются, а как посреди африканской саванны, или на Диком Западе лет этак двести назад... Отмечаем места, где неплохо бы пройти инженерной техникой, и на привалах радистка Кэт из КШМки связывается с Москвой и Алабамой, точно обозначая нужные координаты. Дадут тамошним дорожным строителям соответствующее цэу или нет – дело, конечно, многофакторное, решать не нам и не старлею Демченко, но он как старший конвоя свою обязанность выполнил, «доложив властям о замеченных неполадках в зоне их ответственности».

Разумеется, мне на «роджер» таких подробностей не поймать – ими после очередного привала поделился Жора, которого отцы-командиры припахали к какой-то хозяйственной деятельности, а дальше заработал традиционный «солдатский телеграф».

Часа за два до полудня колонна замедляет ход, и дежурный разведдозор на «бардаке» выдвигается вперед.

– Сейчас будем купаться, – сообщает Крук.

Купаться? Хотя, если подумать...

– Большая река?

– Она самая. Золотой каньон.

– А разве у конфедератов есть золото? – вслух удивляется

Шелест. – Ну, в смысле, как у нас...

Крук смеется.

– Нет, молодежь, разработки коренных пород, как у нас в протекторате, точно нету. А каньон золотым называется, бо скалы там по утрам просто сияют, издалека глянешь, один в один громадная куча орденских золотых экю свежей чеканки. Пирит, али еще какая обманка, точно не помню; только на моей памяти в том районе орудовали четыре партии геологоразведки – так ни следа золота не нашли... Но местечко красивое. А мы купаться будем, потому как прямо перед каньоном самое удобное в округе место для переправы. И кто-то, мамой клянусь, обязательно свернет мимо вешек и окунется в поток по самую крышу, вытягивай потом... Поставить бы там постоянный мост, да крепкую заправку рядом, блюсти позицию – насколько упростилась бы жизнь для всех конвойщиков. Но как говорит одна моя хорошая знакомая, «що маемо, то маемо».

Исчерпывающе, массараکش.

Вскоре колонна останавливается вовсе, часть бойцов сразу занимает позиции «охраняем переправу», всем прочим по рации разрешают выйти из машин и размять ноги, каковой оказией в утомительной дороге пренебрегать глупо. Впереди Большая река, а чуть севернее – прорезанный ею в скалах тот самый Золотой каньон. Сейчас, в разгар дня, скалы золотыми не выглядят, обычный камень рыжеватых тонов. Чем-то смахивает на марсианские пейзажи Аризоны – староземельной Аризоны, а не здешнего «автономного бандитского округа Нью-Рино», его я вживую пока не наблюдал... Во-

дичка, кстати, бодрящая, градусов десять-двенадцать, ведь истоки главной водной артерии Конфедерации – на вечно-снежных пиках Сьерра-Гранде, и до истоков этих отсюда не так чтобы далеко.

Передовой «бардак» уже передними колесами в воде, проверяет брод для прохода всей колонны. Входит в основополагающие функции разведдзорной машины, не поспоришь. А прямо перед броневином, прощупывая дно шестом, в воде орудует один из бойцов конвоя. Та еще работенка; хоть на нем и надетый поверх формы ОЗК колера «цветущего болота», однако от холода прорезиненная ткань не защищает, простудить некоторые важные органы можно только так, ну и если «поводырь» оступится и таки нырнет – выплыть в этом скафандре тоже будет непросто. Да, сидящие на броне друзья вроде как его страхуют, пристегнув шнуром за пояс, но все равно...

Вслед за «поводырем», а вода ему приходится уже выше пояса, БРДМ медленно втягивается в реку. В принципе-то «бардак» и переплыть мог бы, у него, как и у «бэтра», в исходную конструкцию заложена возможность форсировать реки «не шире чем» с течением «не быстрее чем», точные цифры пусть подскажут более компетентные товарищи. Но то «в принципе», а прочая техника в конвое такой возможности точно лишена, ей необходим мост, паром или брод, причем в последнем случае глубиной «не более чем», да и легкие машины скорее всего придется дополнительно прихва-

тывать лебедкой и буксировать, своим ходом даже по разведанному «фарватеру» могут не пройти.

Дважды испулавшись с головой, «поводырь» наконец добирается до противоположного берега Большой реки, а следом за ним и броневик. Пока напарники выставляют вешки, размечая брод «ни шагу в сторону», купальщик сбрасывает ОЗК и промокшую форму, растирается полотенцем, как на пляже, и тут же переодевается в запасной комплект обмундирования. По отмеченному броду реку уверенно пересекает «бэтр», сразу вскарабкавшись на ближайший бугор «для контроля местности», бойцы, спрыгнув с брони, занимают свои позиции по условному полукругу, а из радиации нашего «ураля» доносится голос Демченко:

– Рысак в канале, внимание всем! Кончай привал, по машинам! Второй номер, следовать на переправу, третий приготовился!

Второй номер в ордере, крепко чем-то загруженная «буханка» защитного колера, на первой передаче проходит брод. Успешно; на той стороне из нее льют ручьи, подмокло ли что в салоне – забота владельцев, но сама машина реку преодолела нормально.

Третий номер – легковой «уазик» с закрытым кузовом; как я и предполагал, посреди реки тачка благополучно глохнет, однако предполагал сие не только я – «бардак» уже подготовил штатную лебедку, бежевого «козлика» цепляют за мощный бампер и оперативно выволакивают на тот берег.

Дальше троица пассажиров «уазика» принимается за изучение потрохов мотора, однако рассмотреть подробности, что и как они там выправляют, я не могу, поскольку четвертый номер в порядке уже наш. Грузовик скатывается к урезу воды, держа строго промеж вешек на левом берегу, течением его слегка покачивает, колеса в воде выше осей, но вращаются уверенно. Пересекаем реку без труда и сразу отъезжаем от берега, освобождая место – с «уазиком» пока еще возятся, «бардак» нужен для вытягивания следующих невезучих легковушек, а условных парковочных мест у воды не так чтобы много.

Еще две машины успешно выбираются на левый берег Большой реки, и тут неподалеку раздается мощный взрыв. Рывком оглядываюсь – сторожевой «бэтр» полыхает не хуже костра, автоматный стрекот, кто-то из бойцов падает, в кого и откуда бьют – не вижу, однако торчат в кузове и изображать большую жирную мишень как-то неохота.

– Наружу? – Круку, полусшепотом.

– Пока рано.

Автомат у него в руках, разумеется, как и «фал» у меня, выцеливаем противников, но я пока никого не наблюдаю, и раз «калаш» серба молчит, ему на мушку тоже ни одна подозрительная морда не попала. Короткий взгляд на правый борт грузовика: Шелест сосредоточенно прочесывает пейзаж через оптику, Жора классически «с колена», автомат у плеча, наблюдает за своим сектором – и оба также не видят

целей.

Из кабины по радиии доносится командирский мат Рысак-Демченко, «урал» практически боком подается вперед и направо, освобождая проезд «бардаку»; Жора с возгласом «так точно» выпрыгивает из кузова едва ли не кувырком и рысцой движется в сторону горящего «бэтра».

– Неправильно что-то... – вполголоса замечает Белич. – Влад, Шелест, готовьтесь покинуть машину.

– Принял, – отвечает Шелест, не отрываясь от монокуляра.

Я киваю:

– Гут.

«Бардак» обходит наш грузовик слева, и Крук сразу же командует:

– Вниз и налево, за броней, живо!

Шелест в одно движение оказывается внизу; я приземляюсь не столь аккуратно, но в общем успешно. Белич выскальзывает из «урала», автомат наизготовку, и свободной рукой пихает меня в плечо:

– Наискосок вон к той скале, пошел!

Пошел так пошел. В полуприседе, резво перебирая ногами – натаскали недавно на сборах, массаракш – к скале слева, держа взглядом и стволом «фала» узкий промежуток между «бардаком» и грузовиком. Шелест впереди, как раз прячется за той самой скалой...

...Вспышка, гул в ушах, темнота.

Дальше ничего не помню.

Территория Латинского Союза, долина Большой реки, Сьерра- Гранде. День и час неизвестны

Муторно. Мотает из стороны в сторону. Кислый привкус во рту. Голова как ватная. Глаза не открываются. Ног не чувствую. Руки... руки чувствую, заведены назад за голову и чем-то стянуты, и это «что-то» сильно смахивает на пластиковые одноразовые наручники американского образца.

Уже что-то, массаракш. Руки в стяжках и поза «хенде хох» в лежащем положении – плен. Мутит и ватная голова – либо контузия, либо чем-то накачали. Мотает – куда-то везут, не слишком заботясь о комфорте живого груза...

Сосредоточиться на веках. На правом веке. Шевельнуть. Сжать, потом попытаться разлепить, еще раз, еще, еще, больно, массаракш, ничего, увижу, на каком я свете – буду дальше разбираться. Да, массаракш, могут убить. Так это могли и прямо на месте сделать, чтобы не возиться – а возятся, значит, нужен.

Ну и кому я нужен до такой степени, чтобы ради меня громить конвой РА?

Привет, паранойя. Давно не виделись, я уж думал, ты ушла к кому-то более отзывчивому.

Тут уйдешь, пожалуй, мысленно отвечает соответствующий

ший отдел моего мозга.

Бред контуженного?

А если и так, мне не все равно?

Тоже правда; так на каком свете мы с моей паранойей оказались?

Скорее на этом, чем альтернативном.

Надолго?

Если не окочурюсь, то как минимум пока не приедем на место.

А где оно, это место?

Ага, конечно, нашел кого спрашивать, Чернокнижник, лучше бы сам освоил магию предвиденья...

Так, ладно. Реальность нам дается в ощущениях, и что эти ощущения сообщают прямо сейчас?

Не слишком много. Каналы ощущений заблокированы. Глаза как будто чем-то залеплены, и уши тоже; из всех чувств кое-как работают разве только вкус и обоняние. Ну еще осязание, кожей физиономии, то есть очень сильно кое-как...

Вкус – мимо кассы, тут все равно жевать нечего, да и было бы, охоты совершенно нет; а носом... что мы чувствуем носом, и заодно щеками?

Быстротечная пресная вода. Солнце, и одновременно с этим холодный ветер. Слишком холодный для равнин Конфедерации. И воздух... воздух стал тоньше, меньше травы и больше камня. А еще – более разреженным. Там, за ленточ-

кой, на турецкий Олимп²⁹ я лазил, тут плюс-минус так же, а может, даже повыше.

Вывод – горы, причем горы, сквозь которые себе пробила путь река, по берегу которой мы движемся... вверх по течению, приходит осознание. А вверх – это, массаракш, на север, вряд ли от Большой реки меня успели доволочь до какой-то еще, ну а раз русло Большой реки да сквозь горы – вокруг, хотя я этого и не вижу, вздымаются тронутые вечными снегами пики Сьерра-Гранде, а где-то впереди, а то и уже прямо здесь, Латинский Союз.

Превозмогая дурноту, пытаюсь собраться с мыслями. Чем молча стенать о несправедливости бытия и бессильно страдать, хотя бы расклад просчитаю. Насколько получится.

Усилием воли «перекладываю с больной головы на здоровую», то есть всю свою условную контузию сплавляю одной из запасных субличностей, а сам переключаюсь на другую, которую по кумполу никто ничем не бил, и значит, самочувствие не мешает рассуждать о чем угодно хотя бы мысленно... Нет, не самогипноз, пытался во время оно изучить, ни хрена не вышло. Зато такой вот «контролируемый сдвиг по фазе» – получился, вот им иногда и пользуюсь. В медицинских целях бесполезно, вылечить так ничего нельзя, но можно «отстраниться» и дождаться квалифицированной помо-

²⁹ Гора Олимп, она же Тахтали, высотой ок. 2600 м. Часть Лувийского кряжа, находится в районе нынешнего турецкого курорта Анталия. Название «Олимп» не уникально как для Греции, так и для Турции, а на которой из одноименных вершин обитали «те самые» боги-Олимпийцы – им, как говорится, виднее...

щи. Увы, сейчас вряд ли дождусь, «волшебники в голубом вертолете», теоретически, могли бы спасти раненого-пленника в заленточных реалиях Вьетнама, Ирака или Афгана, но здесь такого не будет. Нет, общество в Старом Свете не гуманнее здешнего, просто очень уж мало вертолетов приходится на квадратный километр Новой Земли. А волшебники если какие в Новой Земле и водятся, так они вроде меня, Чернокнижника...

С другой стороны – выбора все равно нет, а «отстраненно» ждать у моря погоды все-таки комфортнее.

Территория Латинского Союза, долина Большой реки, Сьерра- Гранде. День и час неизвестны

Итак, Латинский Союз. По мнению простых техасцев, конфедератов и по крайней мере немцев с французами как обитающих ближе всех к тем местам представителей Евро-союза – представляет он собой одно сплошное бандитское гнездо. Егеря РА, которые частенько сталкиваются с бандитами-латиносами в Скалистых горах, каковые относят к своей зоне ответственности, мнение это вполне разделяют.

Но. И, массараکش, очень значимое «но».

Бандиты могут разрушать, могут паразитировать на социуме, который до них создали другие. Создавать самостоятельно, организовывать и строить иначе как по-шарикиовски «в очередь, сукины дети, в очередь» – не умеют, для этого требуются совсем иные способности и навыки. Поэтому реально заправлять Латинским Союзом они не могут.

Народ, споря с этим тезисом, кивает на протекторат Русской Армии, самым зарождением своим обязанный Демиду – Михаилу Демидову, старому вору в законе. Кивает на автономную территорию Невада-и-Аризона в составе Техаса, и сердце этой территории, город Нью-Рино, где власть держат пять мафиозных семейств и железной пятерней управляют

мегаполисом, в котором обитателей, на минуточку, больше, чем во всем Московском протекторате. Кивает, в конце концов, на заленточный СССР и товарища Кобу, который начинал партийную карьеру как грабитель банков, а вырос известно в кого...

История протектората Русской Армии, как и степень реального участия Демидова в его построении – очень темный лес; из того, что я сам узнал и вычислил, Демида следует поблагодарить за стартовый пинок «отделения» от Москвы; за «смазку» и «связи» заленточного и здешнего черного рынка, которые на этапе все того же становления, когда не было вообще ничего, помогали протекторату как-то переправлять нужных людей и отыскивать нужное оборудование; возможно, также за работу «первым лицом» на политической арене, так что настоящему правительству никто не мешал заниматься делом. В чем я уверен на все триста процентов: постановку задач по развитию нашего края и вообще планирование всех стратегических вопросов осуществлял не «законник»-Демид.

История Нью-Рино несколько проще, она достаточно точно срисована со становления Лас-Вегаса, если верить романтической версии пьюзовского «Крестного отца». Собрались однажды, мол, благородные новоземельные доны отдохнуть от трудов несправедливых, перекинуться в картишки и вообще тихо согласовать нужные вопросы... вот и получилось такое себе «место сбора», куда мало-помалу потянулись и другие

любители острых ощущений, каковых надлежало аккуратнo выдоить – не до конца – и отпустить на развод, аки тех кроликов, пусть работают ходячей рекламой и привлекают новых клиентов. Так по сей день в общем и движется. О самостоятельном развитии края нет и речи, все гешефты хозяевам Нью-Рино обеспечивают приезжие с недостатком мозгов и избытком азарта, мафиозным боссам остается лишь «держать руку на пульсе», что им вполне посильно.

Ну а в отношении биографии и личности товарища Сталина уже столько копий сломано, что я позволю себе в эту свалку не лезть и замечу только одно: когда он действительно каким-то боком влился в состав «державных мужей», то и соратникам его, и соперникам уже попросту смешно было бы вспоминать о давних мелкоуголовных «эксах», ведь во-круг, массаракш, безо всякого преувеличения – творилась история, и творилась их же собственными усилиями, пусть и не всегда так, как хотелось...

Кратко суммируем: в Латинском Союзе безусловно имеются асоциальные личности и крепкие банды, отрицать очевидное глупо, именно из-за этих самых банд без вооруженного сопровождения-конвоя в Новой Земле далеко не уедешь – а мое нынешнее положение свидетельствует о том, что даже самый лучший конвой еще ничего не гарантирует... В общем, бандиты там есть, в количестве и вполне себе организованные, факт.

Но бандиты – лишь видимая верхушка айсберга. У них

должна быть опора. Прежде всего экономическая; апологеты марксистской теории могли ошибаться во многом, и делали это регулярно, однако Тривульцио, матерый кондотьер и маршал Франции, марксистом не был ни с какой стороны. При чем тут сей не слишком известный вне профессиональных кругов деятель? да при знаменитой его фразе, «для войны нужны три вещи – деньги, деньги и еще раз деньги»³⁰. Иными словами, не будет экономического обоснования вопроса, не будет и самого вопроса.

Просчитать экономику Латинского Союза вот так вот «на пальцах» я, само собой, не могу. Данных мало, никогда специально не интересовался этой территорией. Так, кое-что знаю, и не по ГосСтату, а вообще.

Вследствие удаленности Льяно-Боске от цивилизованных краев и сложных транспортных условий, на плоскогорье этом чертовски трудно запустить и развивать производство чего бы то ни было, а значит, изначально бедные латиноамериканские переселенцы и в Новой Земле не имеют особых шансов разбогатеть. Прокормиться – пожалуйста, охота и крестьянский труд на девственно-целинных землях сие позволяют с большим резервом, однако уже для реализации продовольственных излишков нужна какая-никакая транспортная сеть... а она там именно что «никакая». Промеж се-

³⁰ Афоризм сей приписывают многим, включая Наполеона и Клаузевица, но впервые он упоминается в популярном в конце XVI–XVII вв. сочинении «Часы досуга» авторства Л. Гвиччардини именно как ответ Джан Джакомо Тривульцио королю Луи XII на вопрос «что вам нужно для завоевания Милана?».

бя особенно не наторгуешься, на юга дальше горцев-бандитос ходу нет, следовательно, базовый экономический показатель ВВП у латиносоюзных краев остается чуть выше плинтуса без перспектив роста.

Есть, однако же, у тамошних пейзажей дополнительный промысел, которым можно заработать монетку-другую на нужные ништяки. Как занимались им за ленточкой, так и здесь продолжили...

Вот-вот, он самый, массаракш. Кока. Говорят, на северных склонах Сьерра-Гранде и Сьерра-Невады растет просто замечательно, оптимальный климат высокогорья, что-то там с давлением, влажностью и температурой. И как из мясистых овальных листьев сделать маленькие пушистые комки, отдаленно напоминающие стекловату – скромным труженикам из эквадорской или колумбийской глубинки прекрасно известно. Хотя по малограмотности они вряд ли знают название «гидрохлорид кокаина», а уж о том, чтобы изобразить формулу данного вещества, нечего и говорить.

Вещество веществом, но тут снова в полный рост встает вопрос сбыта. Кто-то, быть может, полагает, что оборотистые парни из Гольфо, Синалоа и менее известных картелей все как один остались на родине, и в Новую Землю никого из них занести в принципе не могло? У меня лично подобных иллюзий нет. Вопрос тут в другом, массаракш: а потребители-то, собственно, где? По орденской статистике, все население нового мира составляет миллионов этак восемь с хво-

стиком, процент наркоманов среди них – ну не выше, чем за ленточкой, то есть совокупно таких рисуется тысяч десять-двенадцать. Да, за «дозу» каждый из них заплатит, скажем, «синенькую» – двадцатку, ну или сколько оно может в рознице стоить в пересчете на экю, я в этих ценах не копенгаген от слова совсем; однако для розничной торговли нужно ведь еще создать сеть распространения, так сказать, инфраструктуру. Представителям картелей в сотрудничестве с обычной мафией оно, конечно, посильно, принцип не новый. Однако чистая протяженность этой сети на обширных новоземельных просторах выливается в изрядные накладные расходы, отсюда вопрос: сколько центов из заявленной двадцатки дойдет до производителя? А ведь от этого зависит изначальная логическая посылка, грубо говоря, есть ли вообще смысл здешним пейзанам высаживать коку вместо картошки? Картошкой-то можно по крайней мере питаться, а листьями коки – разве только лечить нервы, расшатанные тяжким трудом...

Орденский путеводитель на этот счет помалкивает.

А вот касвелловский журнальчик «Новый мир» в одном из прошлых номеров напечатал интервью с русскими егерями, и там утверждалось, что плантации коки в горах есть, и весьма жирные. Мол, парочку в процессе охоты за очередными бандитос накрыли, и судя по всему, их там осталось еще немало. Только дальше Скалистых гор разведдиверсионные группы РА не выбирают, да и там-то уже работают

скорее по заказу бразильцев, чем по собственной инициативе. Поэтому за вечноснежными хребтами Сьерра-Гранде все эти «плантаторы» могут чувствовать себя в безопасности...

Стоит ли ссылаться на прессу, пускай даже местную нелегальную? В данном случае – стоит, если журнал старика Оджи упоминает о плантациях коки, значит, их там и правда есть.

Когда я об этих плантациях впервые услышал, возникло одно подозрение. Обсуждать его не с кем, ибо толку никакого, ключевой момент схемы хотя и является «секретом верха Ордена», однако секрет этот из породы полишинелевых.

Если в двух словах: Орден нагло врет, утверждая, что «ворота» работают лишь в одну сторону, то есть сюда из-за ленточки, а назад уже никак. На все триста процентов уверен: существуют и обратные. Для кого именно и как они открываются, уже другой вопрос, однако принципиальная возможность вернуться обратно в Старый Свет и что-то с собой прихватить – имеется железно.

Повторяю: секрет этот умными личностями давно просчитан. Шума не поднимают просто потому, что незачем: делиться обратными «воротами» высокие орденские чины все одно не склонны, подкупить их – столько еще не украдено, а способа надавить как-то не просматривается. Возникнет, другое дело, а пока делаем вид, что так и надо.

Так вот, если этот самый полишинелев секрет сложить

с другим фактиком – до меня его донесли два весьма серьезных человека, которые из-за этого фактика и дернули в «ворота», а вернее, их туда настоятельно попросили дернуть родные ведомства... ага, полностью добровольно, вот как я в эту испанскую командировку отправился, массараکش...

Серьезные человеки эти, известные мне как Сай и Берт, много лет проработали на структуры Интерпола, Ди-И-Эй³¹, Сефеконара³² или кого-то еще в том же роде, и в Новую Землю прибыли, двигаясь по следу странного наркотика амфетаминовой группы с кодовым названием «сладкий сон». Первая его странность состояла в том, что среди сплошной «кислотной» синтетики вдруг объявилось нечто природного происхождения, вторая странность – что это происхождение никак не удавалось выяснить, а о третьей знал лишь очень ограниченный круг осведомленных лиц, которые вместо мирного рыночного термина именовали его по-своему, «красным дьяволом» (почему так, отдельная история, мне известен ее общий сюжет, но не технические подробности). Информаторы всех структур наркополиции, как и добровольно-прину-

³¹ DEA (Drugs Enforcement Administration – *англ.* «Управление по борьбе с наркотиками») – федеральное ведомство США, основано в 1973 г. В его полномочия входит как контроль наркотрафика внутри страны, так и пресечение производства наркотиков за ее пределами.

³² Sefeconar (Servicio Federal de Lucha contra el Narcotrafico – *исп.* «Федеральная служба по борьбе с наркотиками») – аргентинская разведслужба, создана в 1991 г. с оглядкой на американское DEA. Само ее существование госадминистрацией Буэнос-Айреса официально не признано.

дительно сотрудничающие представители картелей, даже не слышали о производстве чего-то похожего, хотя все возможные уголки шарика вроде бы в зоне их «покрытия». Пройти по цепочке распространителей амфетамина компетентные органы (и их временные союзники с той стороны закона) сумели только до среднеоптового звена, дальше – как оборвано. Вот и пришла в чью-то особо хитро вывихнутую бошку мысль, что если следов нет на одном шарике, неплохо бы их поискать на другом... Мысль оказалась верна, в Порто-Франко Сай и Берт обнаружили не просто следы «сладкого сна», а сами таблетки живьем; привычно выпотрошили местного пушера³³, который подтвердил, что делают сию отраву действительно в Новой Земле, дав пару дальнейших зацепок – и пошли раскручивать маршрут распространения, надеясь подобраться ближе к источнику. Что у них там получилось, не знаю, связь давно утрачена, да и не обещали они держать меня в курсе операции; важно другое. Если «сладкий сон» производят здесь, а потом как-то переправляют за ленточку, в те самые обратные орденские «ворота» – так не переправляют ли, массаракш, вместе с ним предназначенные тем же самым регулярным оптовикам-посредникам и старосветским потребителям мешки кокаина здешнего производства, который эксперты соответствующих заленточных ведомств попросту не идентифицировали как нечто отличное

³³ Pusher, т. е. «толкач» – на американском полицейском жаргоне, распространитель наркотиков «нижнего звена», его клиенты уже только потребители.

от очередного сорта колумбийской «белой феи»?..

Если сие предположение справедливо, количество плантаций на склонах Сьерра-Гранде может быть очень даже значительным. Имея такого потребителя и, соответственно, доходы – можно активно наращивать оборот и строить разветвленную структуру... и тогда у нас получается, что бандитос и державы Латинского Союза, как в той песне, «скованы одной цепью, связаны одной сетью». Сетью традиционных для некоторых уголков за ленточкой «малых производственно-перерабатывающих предприятий», то бишь плантаций коки и пунктов обработки собранных листьев для превращения их в компактный, пригодный к транспортировке продукт – и цепью, которая сей продукт, научно именуемый «гидрохлоридом кокаина», переправляет большому заленточному оптовику, получая обратно законную выручку. По оптовым ценам, разумеется, зато регулярно и много.

А раз оптовик заленточный, одним из звеньев цепи посредников является Орден. Без вариантов.

Нет, один вариант измыслить в принципе можно, и если вдруг все это обнародуется – именно на таком варианте и будет всеми силами настаивать орденский отдел по связям с общественностью, как только в данной организации решат, что он им нужен... Будут утверждать, что «сладкий сон», кокаин и прочая наркодурь, в оптовых масштабах идущая за ленточку – не официальная политика Ордена, а частная инициатива конкретного лица, некоего Игрека. Мол, Игрек,

увы, действительно состоял в наших рядах, причем на довольно высокой должности – каким только и доступны обратные «ворота», свидетельствую личным опытом низового орденского сотрудника, у нас о таких даже слухов не было, – выражаем глубочайшую озабоченность данным фактом, примите наши искренние извинения вместе с копией некролога на упомянутого Игрека, знаете, в новом мире даже в закрытых зонах столько природных опасностей... Знакомый подход, «жена Цезаря – вне подозрений», массаракиш. Сам наблюдал пару прецедентов. Но по-своему эффективно, трудно спорить. Виновный понес наказание, вопрос закрыт, работаем дальше. И – работают. А куда деваться, пока у Ордена монополия на «ворота», в обход этой псевдомасонской организации много не наработаешь...

Возвращаясь от общей теории к конкретному мне: я могу как-нибудь использовать все эти выкладки, чтобы уцелеть там, куда меня привезут? Где это «там», что «там» творится, и зачем я «там» вообще потребовался, узнаем в процессе, сейчас гадать бесполезно, однако принципиальную стратегию можно попробовать построить и не отходя от кассы.

Изобразить из себя орденского агента, мол, доставьте где взяли, а то большой босс обидится и вставит клизму уже вам? Глупо. Те, кому известно об участии Ордена во всем процессе, самолично собирать коку в бандитских горах не будут, тут должно орудовать низовое звено. Да и вообще тамошним обитателям совершенно незачем знать всю це-

почку, картели, конечно, не «контора глубокого бурения», но определенное понятие об информационной безопасности имеют и они.

Кстати, о низовом звене: если оно вдруг не владеет английским, о русском уже умолчу – мне и объясняться с ними придется на пальцах. С такой вводной на статус «орденского агента ноль-ноль-семь» претендовать глупо. Да и не только орденового, любая вменяемая структура, решив зачем-то заслать своего человека к бандитос Сьерры, озаботилась бы найти такого, который *hablo en español*³⁴.

Это для меня плюс в том смысле, что ежели кто вдруг заподозрит во мне хитро внедренного вражеского шпиена – незнание языка, а это несложно проверить, подобное подозрение быстро развеет. Оно и логично, вменяемые шпионы обычно выбирают более... вменяемые пути проникновения, дающие хоть сколько-то степеней свободы и возможность импровизации – а где степени свободы у беспомощного пленника, взятого «с конвоя»? С остатками конвоя, если точнее.

Налетчики разгромили всю нашу колонну, или только передовую часть?

Мне-то откуда знать; вот довезут до места – хоть какого-нибудь, – тогда и выясню, что случилось и куда ветер дует. ...Массаракш. Снова в голове мутит.

Надолго одной «защитной» субличности не хватило, ви-

³⁴ «Говорит по-испански» (исп.).

дать, по черепу пришлось всерьез. Хреново. Но – сделать ничего пока не могу.

Ладно. Все равно ни к чему не пришел и ничего не решил, лишь обычное «жду, смотрю в оба и без нужды не дергаюсь». Как там у старика Сенеки – «Ubi nihil vales, ibi nihil velis»³⁵; по-русски сие звучит не так красиво, зато короче: «ибо нефиг».

На том и позволяю себе опять уплыть в туман, теплый и покойный.

³⁵ «Где ничего не можешь, там ничего не желай» (*лат.*). Здесь Влад ошибается: формулировка сия хоть и вполне в духе стоика Л.А. Сенеки-мл., однако взята из труда «Этика» А. Гейлинкса, голландского философа XVII в. Ее же цитирует в романе «Мерфи» устами одноименного героя С. Бекетт.

Территория Латинского Союза, Сьерра-Гранде, асьенда Рош- Нуар. Пятница, 01/03/22 05:12

Несколько раз я прихожу в себя и снова отключаюсь. Кажется, кто-то меня поил. Может, водой. Не уверен. Смутно помнится морда пьяного в дупель Чингачгука, но наяву это было или в кошмарах, без понятия.

Осознаю себя несколько позднее и в другой обстановке. Темно, аки у афролатиноса в известном месте. Руки-ноги свободны, спиной чувствую нечто жесткое и не то чтобы сплошное. Вроде громадного массажера-аппликатора с напроць выпавшими иглками.

И – запах, причем даже определение «вонь» будет для него слишком мягким. Вокруг много разнообразных немых тел, не вижу – чувствую. Общий барак для пленных-заключенных? Тогда должны бы храпеть-сопеть, а я ничего похожего не слышу... собственно, я не слышу вообще ничего, у меня слух-то восстановился, ась? После контузии? Вот-вот.

Ладно, примем «барак» за точку отсчета. Продолжаю лежать как лежал, собираюсь с мыслями и осторожно ошупываю себя. Так, одежда вроде на мне, а вот ботинок не осталось, только носки. И еще нет шемаха. Запястье пустое, часы сняли, и – нащупываю безымянный палец на правой руке –

содрали и обручальное кольцо; других украшений все равно не ношу... не носил. О таких мелочах, как кошелек-набрюшник, складной нож в одном кармане и короткоствольная «леди таурус» в другом, тоже не позабыли, ну и вместе с разгрузкой забрали и ремень. Пару потайных кармашков скорее всего не обнаружили, то есть две «игральных карты» гибкого пластика с орденой пирамидой на голографической «рубашке» должны сохраниться. Но сей резерв наличности доставать обожду, полтора ста экю мне никаких проблем сейчас точно не разрешат...

Есть и положительный момент: ни одной лишней дырки в тушке тоже нету, ура. Врачи, может, и предпочитают внешние травмы внутренним, их-де лечить проще; но докторов рядом не наблюдается, а внутренние повреждения у меня, какими бы они ни были, не смертельны и даже не слишком тяжелы, иначе я бы тихо окочурился по дороге, закрыв эту тему.

Медленно пытаюсь приподнять голову. Под черепом снова начинает шуметь, но меньше, чем раньше. Перетерплю. Рискнуть пошевелиться? Рановато, судя по протестам в районе головного мозга, если даже сумею встать и никто не помешает, далеко не уйти.

Серый свет из прямоугольника открытой двери. Краешек силуэта снаружи.

Обитатели барака – ага, угадал – потихоньку поднимаются и стадом печальных морлоков ползут к выходу. Дюжины две

рыл, пожалуй. Мне тоже встать? нет, пока обожду. В тусклом свете изучаю скудную внутреннюю обстановку. Длинное узкое условно-прямоугольное помещение квадратов на семьдесят, высотой чуть больше двух метров, стены из промазанной глиной плетенки, плетеная же крыша из каких-то лоз и веток. Мазанка-переросток, если угодно; в украинском варианте крыша соломенная, но при правильном исполнении вроде как воду не пропускала. Ну а Украина, как известно, родина слонов и вообще первоисточник всех мыслимых ремесел и конструкций, так что вариант, «творчески переработанный под иные условия и материалы», вполне мог встретиться и у других народов... Ладно, что мы тут еще имеем? пол земляной, утопанный до каменной твердости, однако валяюсь я с относительным комфортом, на деревянном лежаке, один в один совковый пляжный. Мебель, однако. Сколько-то таких же лежаков разбросано по барaku, кому где удобнее дрыхнуть.

Дверь слева, ближе к противоположной (узкой) стене мазанки, а я соответственно в самом углу. Кстати, оказывается, не в одиночестве. Вон слева еще два неподвижных тела, подробностей в полумраке рассмотреть не могу. Живые? А кто ж их знает, энцефалограмму не проверял.

Серый прямоугольник входа на миг темнеет, закрытый парой силуэтов, а затем внутри становится заметно светлее: у одного из вошедших в барак при себе «фонарь» – стеклянная бутылка в веревочной оплетке, а в бутылке, аки в плафо-

не, горит кривая самодельная свеча.

Прикрываю глаза, наблюдая из-под век. Изобразить «пришел в себя» всегда успею, пока посмотрим, что тут за компания.

Явные латиносы, а то и вовсе чистокровные индейцы. Первый, с бутылочным светильником, тот самый «Чингачгук» – морщинистый, седой, волосы перехвачены пестрой лентой, одет в кожаные штаны и драную джинсовую тенниску; второй пониже, но заметно моложе, в камуфляжных штанах «рваной» тропической расцветки и серо-бурым пончо, на плече ружжо, причем не висит, а лежит прикладом назад, придерживаемое рукой за ствол. Станный способ ношения.

Седой индеец подходит к одному из лежащих рядом со мной, привстает на цыпочки и цепляет бутыл-светильник за одну из веток на потолке. Спутник его останавливается примерно посреди барака и одним коротким движением стряхивает оружие себе в руки, отчего у меня челюсть отвисает. Карабин «бертье» образца седьмого дробь пятнадцатого года! Ошибиться невозможно, выступающий магазин под пятизарядную пачку в свете бутылки виден четко. Откуда такой раритет – а главное, откуда к этому раритету боеприпасы, лебелевскую «восьмерку» за ленточкой с вооружения сняли лет восемьдесят как?! Все страньше и страньше...

Седой тем временем опускается на корточки, протирает смоченной из фляги тряпицей лицо лежащего, затем ту же флягу прикладывает к его губам. То ли щупает, то ли про-

стукивает грудь. Проверяет перебинтованную ногу и поливает из волшебной фляги, не удосуживаясь нять бинты; губы шевелятся – может, что-то шепчет, я по-прежнему не слышу ни хрена.

Затем индейский знахарь переходит к лежащему пациенту номер два и повторяет примерно ту же операцию. У этого ноги не трогает, но явно считает пульс на шее, сверяясь с собственными наручными часами. Кивает, легко поднимается, перевешивает бутыл-светильник на другую ветку, прямо надо мной, и протирает физиономию уже мне. Дает и попить – а я что, я не отказываюсь. Не вода, травяной настой вроде слабенького зеленого чая, с непонятным привкусом. Пол-глотка, только язык смочить, но больше и не хочется. Заодно всматриваюсь в электронный циферблат его часов, благо у индейца модель более навороченная, чем была у меня, с автоподсветкой. Время – шестой час утра, а день... а день первый. Ну ни хрена ж себе, то есть я валяюсь безгласной тушкой уже пятые сутки?

Вдруг, щелчком переключателя, возвращается слух: шелест ткани, дыхание.

Пальцы у меня на шее – индеец-знахарь проверяет пульс, потом встает и отходит на пару шагов.

Резкая команда на непонятном наречии, второй индеец скидывает «берть» к плечу и целится в меня.

Нет, не боюсь. Хотели бы убить – убили бы еще раньше, а тут вон даже лечат, ну или пытаются, в местной фитотерапии

я не спец.

– No comprendo³⁶, – отвечаю я.

Седой что-то говорит – вот тут я уже разбираю, что по-испански, ну или на одном из латиноамериканских диалектов такового, только от этого мне не сильно легче.

– Yo no hablo espanol³⁷, – не вставая, развожу руками. – English? Русский?

Седой качает головой, и тут индеец с карабином неожиданно выдает:

– Шпрех'н дейч³⁸?

Однако.

– Ja, ich kenne Deutsch, – привстаю на локте, энергично киваю головой, отчего та отзывается вспышкой боли. Ладно, пока терпимо. – Wo bin ich?³⁹

– Асьенда⁴⁰ Рош-Нуар, – отвечает, и на том же примитивном немецком: – Ноги встать?

Обеими руками на земле, привстаю на колено, потихоньку выпрямляюсь, чудом не задев головой бутыль-светильник. Тут таки меньше двух метров, от моей макушки до плетеного потолка чуть больше ладони, индеец с базовыми познаниями в германском наречии достает мне едва до плеча, а ли-

³⁶ «Не понимаю» (*исп.*).

³⁷ «Я не говорю по-испански» (*исп.*).

³⁸ *Искаж.* Sprechen Deutsch – «Говорить немецкий» (*нем.*).

³⁹ «Да, я знаю немецкий... Где я?» (*нем.*)

⁴⁰ Hacienda – *исп.* «имение», «поместье», изначально феодальное.

шенный даже таковых седой знахарь – примерно до носа.

– Вперед, дурить нет, стрелять, – предлагает индеец, указывая стволом карабина в сторону выхода.

– Никаких глупостей, – соглашаюсь, бросаю взгляд через плечо на тех, кто остался лежать в бараке. Плосколицый товарищ в джинсовом комбезе – вроде был такой в конвое, если склероз не изменяет, в бежевом «козлике» ехал, из «наших» среднеазиатских человек, звали его, кажись, Рашидом; а рядом с ним не кто иной как Крук, левая нога в лубках. – Как они?

– Живой. Пока, – недвусмысленно отвечает индеец, и дульный срез «бертье» снова дергается. Лады, не будем раздражать человека.

Шаркаю к выходу, у самой двери спотыкаюсь и хватаюсь за косяк. Массаракш, далеко мне так не укувылять... трость бы хоть какую дали, что ли. Ноги как ватные.

Шатаюсь, вылезаю наружу. Все так же придерживаясь за стенку барака, оглядываюсь, изучаю окружение. Свежо; светлеющее рассветное небо над головой, солнце уже встало где-то на востоке, но лучи его сюда пока не попадают, перекрытые солидным черным монолитом. Вокруг вижу несколько таких же плетено-глинобитных сараев-ангаров, функциональное назначение сих мазанок-переросток остается скрытым. Чуть поодаль более солидного вида длинный одноэтажный каменный дом, а на крыше у него укреплен знакомый по Европам большой бак водонагревателя. Ну, по крайней

мере в сухой сезон горячая вода тут в наличии, какой-никакой, а все признак цивилизации... Трехъярусная деревянная вышка – наблюдательный пост; к ней же прикручена раздвоенная антенна. Навес, под ним коновязь; у перекладины философски переминаются с ноги на ногу три мохнатых лошаденки и несколько ослов, а может, мулов, в скотине не разбираюсь. Под тем же навесом отдыхает пародия на орденский «ди-пи-ви» – облезлый багги, где вместо штатной безоткатки воткнут непонятный пулемет, издалека не могу опознать систему...

Тычок под ребра. Стволom карабина. Хорошо еще, штык этому индейцу не выдали – или к «бертье» он вообще не полагался? вот не помню; к «лебелю» точно был, игольчатый, подлиннее мосинского... ладно, массаракш, вот более насущных вопросов нет, кроме как вспоминать штатное французское вооружение времен империалистической.

Так вот, сопровождаемый убедительным индейцем-конвоиром с антикварным карабином, и добираюсь до большого каменного дома. Индеец-знахарь обгоняет нас и скрывается за дверью, а конвоир еще раз толкает меня карабином в бок: – Туда, – указывает на расположенный неподалеку колодец.

С одной стороны, разумно, последний раз я принимал нормальный душ, когда конвой Демченко встал на ночевку на заправке в Конфедерации, где-то неделю назад, сейчас мне сия гигиеническая процедура совсем не помешает. С

другой стороны, в моем контуженном состоянии да ледяной колодезной водой – шпарило бы солнце, еще куда ни шло, но пока вся эта асьенда с шоколадным французским именем «Рош-Нуар» прячется в тени черного монолита...

Не знаю как там окситанский Каркассон, где стоит неведомая мне шоколадная фабрика, но откуда название «черная скала» здесь, невооруженным глазом видно. Имеем интересный вопрос: это что за индейцы-латиносы такие обитают на северных склонах Сьерра-Гранде, у которых как минимум вторым языком является французский, английского они не знают вовсе, зато попался условный знаток немецкого?

Под эти размышления останавливаюсь у колодезной дыры – опалубки и сруба нет, просто пробитое в скале неровное отверстие и перекладина с воротом, падай сколько пожелаешь. Ворот обычный, почти как у нас в селах; берусь за рукоятку и, сам себе удивляясь – осталась еще кое-какая силушка, – вытягиваю кожаное ведро. Веревка короткая, метра четыре от силы; ведро самодельное, сшито из остатков шкуры неведомого зверя, протекает, но – вода. Ледяная, само собой. С усилием приподнимаю над головой и опрокидываю на себя. Ухххх!

В этот самый миг из-за черной скалы выныривает краешек ослепительного новоземельного солнца. Черт, у меня ведь темных очков тоже нет, и шемах сперли!.. Голову-то пока не напечет, а вот глаза прикрыть толком нечем.

Второе ведро на голову, за ним третье. Стою, медленно

поворачиваясь, подставляя под солнечные лучи то один бок, то другой; греюсь. В голове на удивление ясно, боль отхлынула. Испугалась ледяной воды, наверное. Неортодоксальный метод лечения контузии... впрочем, врач из меня еще тот, только и знаю, что базовый курс «первой помощи» из туристского прошлого. Да еще в ПРА «доськам» и резервистам похожий преподают, с упором на укусы местной живности и огнестрельно-осколочные ранения.

Краем глаза ловлю движение, поворачиваюсь. С крыльца каменного особняка спускается небольшая группа – седой индеец-знахарь, уже без бутылки-светильника, а с ним два гринго. Вернее, судя по диспозиции, два гринго, а при них на побегушках старый «Чингачгук». Гринго номер раз: невысокий плотный товарищ южноевропейского вида в оливковой армейской панаме, полосатой гавайке и кожаных индейских штанах с бахромой по шву. Гринго номер два: громила в красной бейсболке и камуфляжных шортах, грудь, массивные окорокообразные руки и солидное брюхо капитально заросли черной шерстью, в такой же черной косматой бороде раза этак в два повнушительнее моей спрятана, словно в бандитской маске, вся нижняя часть физиономии. «Чингачгук» по-прежнему безоружен; у «громилы» за пояс слева заткнут кнут с серебряной оплеткой рукояти, а справа подвешена тактическая кобура с понтовой «десертной иглой»; у «полосатого» на ремне аж два пистолета, но каких именно, непонятно, обе кобуры закрытые, с застегнутыми клапа-

нами.

Кого-то мне эти типажи смутно напоминают... ну да, точно, скрываю я улыбку, «ми Бандитто, Гангстеритто» из мультфильма про капитана Врунгеля. Колоритная парочка, факт; а вот кто из них двоих тутошний босс, «громила» или «полосатый» – так вот сходу определить не могу.

Мой конвоир при приближении этой группы вытягивается во фрунт и изображает с карабином позу армейской камасутры номер не помню какой, «на караул». «Бандитто-Гангстеритто», возможно, и имеют на следующем уровне иерархии некоего «шефа», но его тут скорее всего никогда не видели, для местных более высокого авторитета не существует.

«Бандитто-Гангстеритто» в четыре глаза обозревают стоящего у колодца меня, тихо обмениваются замечаниями на неизвестном наречии – может, и по-французски, плохо слышно и в любом случае непонятно, – затем «полосатый», он же условный «Бандитто», что-то говорит моему конвоиру, а «громила», который «Гангстеритто», обращается ко мне:

– Поздравляю с возвращением к активной жизни, – немецкий ему явно не родной, акцент заметен, но понять нетрудно. – Поговорим после завтрака, Бруно вас проводит. Заодно и обувкой снабдит.

– Спасибо, – наклоняю голову.

«Бандитто-Гангстеритто» удаляются совершать утренний обход территории, «Чингачгук» куда-то исчезает, а меня

конвоир-Бруно ведет через двор к глинобитному сооружению с дымящей трубой. Судя по запахам – летняя кухня. Запахи не обманывают, мне вручают свежевыпеченную пресную лепешку и плоску с неким овощным варевом, для рагу жидковато, но и супом не назовешь. Зато горячее. Почти не чувствуя вкуса, высасываю все, дожевываю лепешку и кладу кривобокую плоску из обожженной глины в «посудомойку», каковой тут выступает солидная бадья с не слишком чистой водой.

Бруно тем временем приносит пару не то шлепанцев, не то мокасин – нечто цельнокроенное из куска кожи, с завязками; у него самого примерно такие же. Демонстрирует, как это надо надевать на босу ногу, тем более что мои грязные носки только в тряпье и годятся. Со второй попытки получается. Размер подходящий, если с этой обувкой вообще можно говорить о точном соответствии размера. По ощущению на ноге – ну, ботинки удобнее, однако по здешним камням и каменной твердости глине оно несравненно лучше, чем босиком.

– Мне бы еще трость какую, – прошу я Бруно.

– Трость? – слово «Spazierstock» ему явно незнакомо.

– Палка. Опираюсь, – изображаю я жестами.

Индеец кивает и спустя буквально пару минут добывает мне черенок то ли от веника, то ли от малярной кисти, в общем, метровая примерно палка толщиной сантиметра два, не то чтобы отполированная, но условно гладкая. И какая-то

очень легкая древесина, должен заметить; бальса, что ли? Сроду ее живьем не видел.

Рукоятки сия «трость», разумеется, не имеет, однако как временная опора – сойдет, а мне временная и нужна, кости-то целы, только голова немного кружится.

– Спасибо, Бруно. Теперь куда?

– Туда, – кивок в сторону каменного дома.

С тростью и в мокалинах, да еще подкрепившись – шагать не в пример легче. Голова почти не беспокоит. Конечно, хорошо бы как следует вымыться и переодеться в свежие шмотки, а мои привести в порядок... ну да здешнее начальство меня все равно уже видело, «встретив по одежке». Это не углубляясь в подробности, как я сюда попал и что им от меня нужно...

А то так неясно, иронически замечает моя паранойя. Бабы им нужны, да побольше. Специально киднеппингом местные бандиты не балуются, нет для такой «индустрии» в Новой Земле условий: клиенты, ан масс, слишком бедные, хорошо если сотню экю в месяц откладывают, то есть на десять тысяч им надо копить десять лет. Соответственно исполнители, ан масс же, не обладают достаточной квалификацией, чтобы похищенного клиента сохранить «в товарном виде». И уж последнему доказательств вагон: когда бойцам РА, техасским минитменам, орденским патрульным или другим «представителям сил закона» удавалось взять какое-нибудь бандитское логово и вывести оттуда живых пленников – со-

стояние освобожденных колебалось от «хренового» до «чем лечить, гуманнее пристрелить», и информацию эту от народа не скрывали, отнюдь... Так что если вдруг гипотетического Васю Пупкина похитят, а потом затребуют десять штук за его возвращение в целости и сохранности – положительно-го ответа друзья-близкие Васи скорее всего не дадут. Нету у похитителей гарантии «качественного товара», и доверия им нету никакого.

С другой стороны, раз уж я все равно оказался в плену у данного контингента – а никем другим, логически рассуждая, «Бандитто-Гангстеритто» быть не могут, и вопрос не в их внешнем облике, мало ли кому какой прикид привычен, а в обстоятельствах моего попадания сюда, ну и барак опять же намекает... – так вот, раз уж я все равно тут, глупо было бы не попытаться извлечь из меня пользу. В рабочих руках на условной кока-плантации вряд ли есть особая нужда, под боком Латинский Союз, где навалом той рабочей силы, более квалифицированной и за гроши. А вот если я смогу дать за себя выкуп, потрудиться стоит. Так должны, по логике вещей, рассуждать здравомыслящие бандитос-плантаторы. Рядовые боевики могут пристрелить забавы ради, им высокие торговые материи до одного места, все равно доход с этих гешефтов упадет не им в карман; атаманы по определению просчитывают на шаг-два вперед, а асендадос⁴¹ «Бан-

⁴¹ Hacendado – *исп.* «помещик», владелец асьенды. В Латинской Америке титул практически сословный.

дитто-Гангстеритто» в общей иерархии теневых структур находятся явно повыше, чем главарь обычных работников ножа и топора, соответственно и планировать должны подальше.

Логично, массаракш. И выкуп-то я дать смог бы, деньги на банковских счетах есть. Разумеется, докладывать об этом кому попало я не намерен, и торговаться за свою единственную и горячо любимую шкуру готов с кем угодно – эти экую я для семьи добывал, а не для некоторых жадных до чужого добра; однако если вопрос встанет «кошелек или жизнь» – массаракш, да пошел он куда подальше, тот кошелек, еще заработаю. Как гласит мудрость избранного народа, «проблема, которая решается деньгами, это не проблема, а обычные расходы»... Так вот, настоящая проблема в другом: где гарантия, что романтики с большой дороги и их идейные соратники, взяв кошелек, оставят мне жизнь, то есть обеспечат доставку до безопасного места? Вот-вот, этот вопрос и подлежит самому тщательному обсуждению...

Ну да ладно, чего гадать. Сперва посмотрим, что по данному поводу имеют сказать «Бандитто-Гангстеритто», это я в такой передрыге впервые, а у них оно если не постоянный гешефт, то самое малое знакомая халтурка. На жизнь и хлеб с икорочкой зарабатывают они кокой, или что тут по факту производит асьенда Рош-Нуар; «разводить кроликов», в смысле выколачивать бабло с пленников – глубоко побочный приработок. Но коль скоро с таковыми «кроликами» вообще

возятся, причем не только с относительно целым мной, а и с раненым Круком, значит, рассчитывают расходы окупить.

Как именно рассчитывают – будем, как говорится, посмотреть.

Территория Латинского Союза, Сьерра-Гранде, асьенда Рош- Нуар. Пятница, 01/03/22 09:07

Приглашать меня в дом «Бандитто-Гангстеритто» не считают нужным, так что разговор идет под чахлым кленом во дворе. Тут вполне удобная скамейка в форме полумесяца, на которой я и позволил себе устроиться – Бруно не возражал, значит, «место общего пользования»; сам он присаживаться не стал, изображая неподалеку статую борца с колониальной администрацией.

Здесь хозяева асьенды меня и находят. Конвоир мой сперва вытягивается в струнку, а затем, повинувшись краткому жесту «Гангстеритто», убирается нафиг. Полуголый громила плюхается на скамейку рядом со мной, «Бандитто» садится с другой стороны на самый краешек, почти напротив.

– Итак. Вопрос первый: выкуп даете, или отработываете на общих основаниях?

Голос у «Гангстеритто» спокойный, таким тоном уточняют у случайного прохожего, который час.

Ну, что такое «общие основания», я подозреваю – те морлоки из барака совершенно не внушают желания влиться в их печальные ряды.

– На общих – не хочу, – честно отвечаю. – Остальное готов

обсудить.

– А тут нечего обсуждать. Двадцать тысяч монет.

– Я похож на орденского олигарха?

– В общих чертах – вполне похожи, – вступает в беседу «Бандитто»; выговор у него «хохдойчу»⁴² не совсем соответствует, но вполне немецкий, смахивает на саксонский. – Одна голова, две руки, две ноги. Сходство можно уменьшить, инструменты есть.

Развожу руками.

– Инструменты вам не помогут.

«Гангстеритто» доверительно кладет массивную лапу мне на плечо.

– Вас, прошу прощения, как зовут?

– Влад.

– Так вот, Влад – вы хоть представляете себе, что можно сотворить с человеком, имея под рукой всего-то пару щепок и кусок веревки?

Не представляю. И представлять не хочу, массаракш. Не тот у меня профиль.

– Сотворить можно многое, вопрос ведь не в этом... извините, а к вам как обращаться?

– О, и верно, вы ведь здесь никого и ничего не знаете, – изображает легкую неловкость «Гангстеритто». – Позвольте

⁴² Hochdeutsch – нем. «высокий немецкий», собственно литературный немецкий язык. Словарным запасом от отдельных германских диалектов отличается не сильно, выделяется больше произношением.

представить моего партнера: Бернат, – «Бандитто» небрежно наклоняет голову, – а меня кличут Адамом.

Партнера, да? Это в смысле «совладельца асьенды и бизнеса», или в современном либерастическом? Не то чтобы меня так сильно интересовала их постельная ориентация...

– Ну так вот, Адам, сотворить-то со мной вы здесь можете все, что угодно, хоть с инструментами, хоть без них. Только от этого не получите ни цента. Значит, такой вариант не интересен ни вам, ни мне. Будем обсуждать другие?

Бернат запрокидывает голову и натурально гогочет. Затем резко обрывает смех – и рука его, метнувшись вперед, больно сгребает мою физиономию в области верхней челюсти. Дернуться успеваю, уклониться – нет. Даже будь я в лучшей форме, пожалуй, не сумел бы...

О чем в такие моменты думают другие, не знаю, а мои рефлексy учиняют очередной бунт; собравшиеся в кучку глаза фиксируют на жилистом запястье Берната золоченые часы. На электронном циферблате девять часов семь минут. Вот спрашивается, на икса оно надо – знать точное время, когда моя морда подвергается мануальной терапии?..

– Влад, мы ведь тут не шуточки шутим. Платить будете?

– Угу, – только и могу промычать я; Бернат выпускает мою физиономию; массирую скулы и челюсть, и продолжаю: – Заплачу, не отказываюсь, на счету деньги есть – но не двадцать тысяч. А больше просто нет.

– Это уже ваши трудности.

– Дражайший Бернат, у вас в правой кобуре какой пистолет?

Тот озадаченно моргает.

– «Зиг-двести десятый», а что?..

– Кажется, в магазине у него восемь патронов, и можно заранее загнать девятый прямо в ствол. Таким образом, без перезарядки вы можете выстрелить максимум девять раз. Но если кто-то потребует, чтобы вы из своего «зига» выпустили в мишень, скажем, пятнадцать пуль...

– ...то я достану второй из левой кобуры. – Что Бернат и делает, поправив стволом швейцарского пистолета краешек панамы. – Влад, поверьте, нам совершенно неинтересно, с какого счета вы снимете деньги и где найдете недостающую сумму.

Вздыхаю. Ладно, не те у меня, действительно, условия, чтобы сильно барахтаться.

– Тогда следующий вопрос: где тут у вас ближайший банк?

– В Сан-Кристобале, – сообщает Адам, – там их даже три: орденский, Северный торговый и Адлербанк.

Изображаю скорбную мину.

– Увы, не годится. Ни в Адлербанке, ни в Северном торговом у меня вкладов не числится, а на орденском счету что-то около тысячи монет. Кроме того – я так понимаю, идекарта моя утрачена? Или ее передали вам вместе со мной?

– Нет, вашего Ай-Ди у нас нет, – переглянувшись с парт-

нером, сообщает Адам. – Однако этот документ нетрудно восстановить.

– Да, конечно, в любом орденском представительстве. А оно в этом вашем Сан-Кристобале разве есть?

– Кстати говоря, есть, но вы ошибаетесь, Ай-Ди восстановить можно в любом отделении Банка Ордена. Представительство беспокоить ни к чему.

И верно, было что-то такое...

– Что ж, верю. Только все равно Сан-Кристобаль не годится, на тысячу с орденского счета вы определенно не согласитесь – а обычный кредит мне в Банке Ордена больше, чем на ту же тысячу, не откроют. Необходимо отделение Американского объединенного банка... а вернее, нужен сперва орденский, где мне восстановят айдишку, а потом Ю-Эй-Би⁴³. Там у меня счет посолиднее, соответственно кредит дадут побольше, по сумме двадцать штук наскребу. Вот такой план.

Владельцы асьенды Рош-Нуар снова переглядываются, Бернат явно что-то прикидывает, и наконец говорит:

– Все это найдется в Нью-Рино. Однако такой вариант потребует кое-каких... усилий.

Пожимаю плечами.

– А вот это, любезный Бернат, уже ваши трудности. Деньги имеются, но получить их в банке могу только я. Староземельных чековых книжек здесь, сами знаете, не водится.

– И никакого доверенного лица у вас нет?

⁴³ U.A.B. – United American Bank.

Улыбаюсь, не разжимая губ.

– Вот скажите, Бернат, на месте любого моего доверенного лица – вы передали бы ВАШЕМУ доверенному лицу двадцать тысяч экю? Просто так, под одно лишь обещание? Никакая записка, радиограмма и даже, к примеру, звонок по телефону не дадут гарантии, что после передачи обусловленной суммы я окажусь на воле и в безопасности, а не в руках очередных... желающих получить еще двадцать тысяч.

Бернат озадаченно моргает, а громила-Адам «дружески» хлопает меня по плечу. Больно, массаракиш.

– Разумные слова. Что ж, в общих чертах договорились...

– Как – договорились? – привстает с места Бернат. – И кто его будет в Нью-Рино везти, скажи на милость?

– Да вот эти твои новые знакомые боливийцы и повезут, – спокойно отвечает Адам. – Которые «революсьонарии» и кто-то там еще. Мы ведь так и так собирались выяснить, кто там на замену Ибаньесу встал, проверить в работе. Хименес, Гуттиерес и Вильбоа о своей крутости много раз заявляли, и сильно оно им помогло? Так что все одно будем договариваться заново... Когда договоримся, с ними нашего гостя и отправим вместе с товаром, а в залог включим двадцать штук. Тогда пусть он с ними и рассчитывается, напрямую, и это будет их головная боль.

Интересная рисуется перспектива. Меня, значит, продадут боливийским революционерам, которые вскоре по какому-то своим революционным делам спустятся с гор и за-

глянут в Нью-Рино вместе с «товаром», некая часть которого пойдет с асьенды Рош-Нуар... Эх, мне б мобильный канал связи с летучими дозорами конфедератов, они с превеликим удовольствием такую революционную колонну перехватят между горами и «городом пяти семейств», и оприходуют по полной... Не расстреляют, нет, в Конфедерации Южных Штатов «высшей мерой социальной защиты» является не смертная казнь, а пожизненная каторга на ирригационных дамбах в дельте Большой реки. Жизнь на этой каторге, говорят, насыщенная, печальная и не слишком долгая. В ПРА и то гуманнее – всех «пожизненных» направляют то ли на рудники, то ли на постройку чугулки, сейчас от основной линии Демидовск-Береговой тянут ветку на ППД, а в перспективе где-то от Ориноко должна будет пройти линия на Москву и Новую Одессу; как раз у нас в ГосСтате лежат три варианта этого перспективного генплана, стоимость инженерных работ по каждому спецы примерно рассчитали, а нашей задачей было прикинуть, который из раскладов лучше ляжет в парадигму развития-заселения протектората и быстрее-надежнее окупится... Что рудники, что железнодорожные работы – не курорт, но и не такое смертоубийство, как у конфедератов.

Ну да к чему мечтать, канала связи ни с конфедератами, ни с Русской Армией у меня нет и не предвидится. Более того, если я даже изображу из себя Джеймса Бонда на полставки и доберусь до здешней радиорубки – толку-то, в радио-

связи я разбираюсь практически никак. Да, мне говорили, что на коротких волнах при здешней незасоренности эфира можно через любые горы установить канал с кем угодно хоть за тридцать, хоть за триста, хоть за три тысячи верст – но при одном ма-аленьком условии: связываться должен специалист, который правильно выставит диапазон, мощность сигнала, длину антенны, угол ее поворота и прочие параметры. А я специалист в совсем иных областях...

Тем временем Бернат, прикинув какие-то свои расклады, встает со скамейки. Решение принято.

– Договорились. Поздравляю вас, Влад, с переменой статуса, теперь вы гость асьенды Рош-Нуар. Настоятельно не рекомендую злоупотреблять.

Криво усмехаюсь:

– Если б даже и хотел «злоупотребить» – не в том я состоянии, и не тот у меня профиль.

– А какой профиль ваш? Если не секрет, конечно, – уточняет Адам.

– Не секрет. Эксперт по базам знаний.

Хором переспрашивают:

– Der Wissensdatenbankanalyst? – и глазами так луп-луп.

– Ну да.

– А... расшифровать можно? – спрашивает Бернат каким-то очень уж почтительно-осторожным тоном.

– Ну если в двух словах, это тот, кто создает свод правил, на основании которых система далее должна, перерабатывая

входную информацию, выдавать более-менее верный ответ.

– Умная система? – озадаченно говорит Бернат.

– Компьютер, – хлопает себя по лбу Адам. – Я-то думал, все эти яйцеголовые умники с орденской базы никуда...

А вот ЭТО уже интересно. На орденской базе «Латинская Америка» я в не столь уж отдаленном прошлом работал, как раз в компьютерном хозяйстве. Посещал также пять окрестных баз «по приему грузов и переселенцев», в порядке взаимодействия с аналогичными их отделами. Компы и сопутствующее оборудование там имеют место быть, но – сугубо как вспомогательная служба «для контроля и учета», чтобы не возиться с тоннами бумажной документации. Никаких «яйцеголовых умников» при этом хозяйстве не числится, поклясться готов чем угодно; есть хорошие спецы, однако они сугубые прикладники и подобного эпитета на них при всем желании не налепить. Даже если лепить будут те, кто спецом не является.

Внимание, вопрос первый: о какой такой орденской базе с яйцеголовыми умниками при компах сейчас говорит Адам?

Вопрос второй: говорит он об этой базе так, словно знаком с ней изнутри хотя бы на уровне посетителя, и посетителя не случайного. То есть данный объект расположен где-то здесь, неподалеку, в Латинском Союзе. Заметим, орденский объект сей – не скромное здание банка, не подворье представительства, а целая база. Какого, спрашивается, икса она делает в таком месте?

Вопрос третий: как бы мне, уже в подтвержденном гостевом статусе, раскрутить хозяев асьенды Рош-Нуар на дальнейшую инфу об этой орденской аномалии? Ведь печенкой чую, сведения пригодятся, не сейчас, так немного попозже...

Территория Латинского Союза, Сьерра-Гранде, асьенда Рош- Нуар. Пятница, 01/03/22 около 12:00

Отдаю должное Адаму и Бернату: после того, как асенда-дос принимают решение, что во владениях у них я гость, а не просто добытый их людьми в дальнем рейде «кролик» – отношение ко мне резко меняется. Как говорил Ниро Вульф, «гость – это драгоценный камень на подушке гостеприимства»⁴⁴. Не уверен, что обитатели асьенды Рош-Нуар близко знакомы с этим литературным персонажем, но модус вивенди тот же.

Да, гость я «очень хорошо охраняемый», иллюзий на этот счет не питаю. И даже «ценный», причем ценность эту могу назвать в цифровом эквиваленте. Два кило орденского золота, иначе говоря, двадцать тысяч экю.

И тем не менее. Хозяева препровождают меня во флигелек, что примыкает к их каменному особнячку с тыльной стороны, и поручают заботам некоего Арчи. Англосаксонское имя сразу дает мне надежду, что с этим товарищем я смогу нормально объясниться по-английски; так и есть, причем и этнически Арчи оказывается не латиносом, а услов-

⁴⁴ Р. Стаут, «Слишком много поваров».

но-чистокровным гринго, хотя и с несмываемым тропическим загаром еще с заленточных дней – четверть века на Доминиканах, однако. А еще он усиленно строит из себя «классического британского дворецкого», что при его физиономии биндюжника и заметном шотландском выговоре смотрится убийственно.

Правда, меня Арчи именует «сеньором», а не «милордом» или «сэром». А Адама – «патроном». На вопрос, почему так, делает круглые глаза и обводит руками асьенду: мы ведь не в старой доброй Англии, сеньор, не так ли? Логично, масса-ракш, мы даже не в Новой Англии; такая тут имеется, входит в состав здешнего Британского Содружества. Ни разу не был, видел только на карте – условный северо-восточный угол Большого залива, крупный остров не очень далеко от устья испанской Рио-Бланко, – однако мы, действительно, не там, а вовсе даже в Латинском Союзе...

С помощью и по указанию Арчи я вселяюсь в крошечную комнатку в этом самом флигеле, внутри там только гамак и табуретка, но – свой угол. Он же показывает мне настоящую душевую, где я с большим облегчением отдраиваюсь теплой водой, благо бак уже успел прогреться на утреннем солнце, и жидким мылом с какими-то травами, наверное, местная самоделка. Пока я кисну в душе, мне приносят сменную одежду. Не из хозяйских запасов, разумеется, ну так и по габаритам Адам повыше меня и объемнее раза в два, а Бернат почти такой же комплекции, зато на полго-

ловы ниже. Скорее всего, что-то из случайных шмоток сомнительного происхождения, типичный секонд-хенд, однако ведь и не рубище какое. Бэушные китайские джинсы, чистые и подштопанные где следует; простая, но опять же чистая и целая рубаша некрашеного серого полотна, без пуговиц, с широким воротом на завязках, чем-то смахивает на украинскую вышиванку без вышивки, сам подобную этнику отродясь не носил, но на других, увлеченных национальной культурой – видел; а еще заленточная бежевая бейсболка с крупным черным лозунгом «BEER», пускай напиток и не мой, зато от солнца голову прикрывает, а что еще от шапки надо-то?..

Свою старую одежду там же, в душевой, как следует прополаскиваю и вешаю на просушку во дворе, найдя уголок с бельевыми веревками. Ничего, не подерется мой «вюстен-тарн» с повешенными рядом простынями-наволочками.

– Ну зачем же так, – укоризненно выговаривает мне Арчи, – для заботы о вещах есть слуги.

– Так то у хозяев, – пожимаю я плечами.

Арчи поджимает губы.

– Вы гость, сеньор Влад, значит, все слуги патронов – и ваши слуги тоже. В дальнейшем прошу такие... вопросы передоверять им.

Развожу руками.

– Как скажете.

– То-то же. Но у вас в гостевом костюме кое-чего недоста-

ет, пойдёмте.

Разворачивается и идет; послушно топаю за ним, интересуюсь:

– А почему в гостевом и недостает?

– Ну как же, сеньор. Вы не пеон, не слуга и не невольник. Знакомить вас со всеми обитателями асьенды не вижу смысла, поскольку по языкам вы не совпадаете и почти ни с кем не сможете общаться, однако, дабы не возникало недоразумений, им нужно знать о вашем гостевом статусе. Так что сейчас заглянем в арсенал и подберем вам что-нибудь.

Массаракш. Я, конечно, гость, раз патроны решили именно так, но не может же Арчи «подобрать» мне настоящее оружие? Контузия ведь временная и почти прошла, вот почему благородным донам асендадос знать, а вдруг я на досуге тренируюсь в ковбойской стрельбе – с поклоном Серджио Леоне и его ганфайтерам, – и два ствола Берната отменного швейцарского качества могут «на курке» вчистую проиграть одному моему, вне зависимости от его системы? А ставка-то в таких играх – не что-нибудь, а своя горячо любимая шкура...

«Арсеналом» оказывается чуланчик-полуземлянка, рядом с хозяйским особняком, но чуть на отшибе. Освещения не предусмотрено, Арчи запаливает прихваченную с собой самодельную свечку и ставит на полку. А я весь в смешанных чувствах.

Арсенал, да уж. Света вполне достаточно, чтобы оценить

ассортимент. Очень специфический. «Бертье» Бруно происходит именно отсюда, вон еще четыре таких же в пирамиде стоят, один с пятиместным магазином, остальные с трехпатронными, и длинный «лебель» вместе с ними. И два столь же длинноствольных «маннлихера»... хотя нет, это не «маннлихеры», а пехотные «каркано», магазин похожий, но затворная система другая, помню я этот спор, большой привет «винтовке Мосина-Нагана», как иные забугорные спецы числят нашу трехлинейку; те же спецы ее итальянскую ровесницу обзывают «винтовкой Маннлихера-Каркано». Не берусь судить, как там рафинированный австрийский буржуа Фердинанд Риттер фон Маннлихер, который к аристократии принадлежал лишь в первом поколении, а горячий туринец Сальваторе Каркано таких специалистов точно прикопал бы на ближайшем пустыре...

Впрочем, некий Ли Харви Освальд тремя быстрыми выстрелами из ствола, купленного под маркой охотничьего, со всеми этими спецами уже рассчитался. В газетно-экранной шумихе, где вообще называлась марка «винтовки, убившей президента», имя герра Маннлихера вполне заслуженно не полоскалось. Только «каркано». Может, и «мосинка» однажды отхватит свою минуту славы? Сколько их там по Америке болтается, взятых за сущие гроши по распродаже «закромов родины» – сюда, в Новую Землю, попала лишь малая часть... В заленточных Штатах есть одна популярная забава, «варминтинг», сиречь отстрел сусликов с заведомо без-

опасной дистанции километра этак в полтора. И иные любители данного занятия специально берут какой-нибудь копеечный ствол, а потом вкладываются в его апгрейд, тюнинг и напиллинг – кто у профи-оружейника, кто своими руками – на цену недешевой снайперки, в итоге получается ружжо единственное в своем роде и на оригинал не похожее ни с какой стороны. Зачем? как говорится, «because I can»⁴⁵

⁴⁵ «Потому что могу» (*англ.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.